

Андрей Бронников

Брошь

или Мистики династии Романовых

Художник Никандрова А

Андрей Бронников

**Брошь, или Мистики
династии Романовых**

«Автор»

2023

Бронников А. Э.

Брошь, или Мистики династии Романовых / А. Э. Бронников —
«Автор», 2023

В центре повествования история серебряной броши в виде головы льва, обладающей мистическими свойствами, способными влиять на судьбу человека. Это почти сразу понимает главный герой Сергеев, ставший обладателем этого артефакта. Он становится свидетелем эпохального события истории человечества — предательства и ареста Иисуса Христа. Сергеев так и не может открыть главного секрета украшения. Софья Михайловна, вручившая ему этот артефакт, умирает. Жизнь Сергеева становится всё трагичнее. Отчаявшийся герой получает посмертное письмо Софьи Михайловны, которое ставит его перед непростым выбором. Параллельный сюжет открывает читателю череду удивительных событий из жизни предыдущих обладателей броши: в том числе, кончину старца Лазаря, гибель императора Александра II. Неординарный анализ царствования российских государей заставит читателя поверить в реальность мистического украшения. Исторические факты точно ложатся на художественный вымысел, не позволяя отличить одно от другого.

© Бронников А. Э., 2023

© Автор, 2023

Андрей Бронников

Брошь, или Мистики династии Романовых

Вместо предисловия

Роман, наверное, можно отнести к разряду мистических, при этом чтение его потребует работы ума и некоторых размышлений, но я, надеюсь, он покажется вам ещё и увлекательным. В исторической части повествования все даты, события, факты, эпизоды и обнаруженные закономерности точны и детально достоверны, за исключением по определению бесед «тет-а-тет» и существования самого артефакта, который и дал название роману.

Приводится неожиданный анализ царствования российских государей, заставляющий читателя поверить в реальность мистического украшения. Исторические факты точно ложатся на вымысел, не позволяя отличить одно от другого. Мнение и убеждения героев могут не совпадать с мировоззрением автора.

Приступать к чтению стоит, если у вас есть имеется намерение прочитать роман до самого конца. Если в какой-то момент вам вдруг показалось, что интрига исчерпана, а тема повествования лежит вне ваших интересов, не спешите делать выводы. Возможно и то, и другое лежит совсем в иной плоскости.

Список

использованной литературы и ресурсов Интернет.

- Библия
- Житие старца Феодора Томского
- "Николай II: жизнь и смерть" Радзинский Э.С.
- "Строители судьбы или путь к успеху и могуществу" Орисон Свет Марден
- "Расстрел М. Романова" Воспоминания А.В. Маркова
- "Философия убийства или почему и как я убил М.Романова" Г.Мясников
- "Самые знаменитые влюблённые. Александр II и Екатерина Долгорукая"
- "Конституция" М.Т. Лорис- Меликов (отрывки из доклада от 28 января 1881 г.)
- "Скорбный путь М. Романова: от престола до Голгофы" В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова
- "Воспоминания Маркова" статья заведующей архивом КПСС Пермской области Аликиной в газете "Вечерняя Пермь" 1990 г.
- сайт "Энциклопедия смерти. Хроники Харона" Библиотекарь.ru
- "Русские идут" православная монархическая газета
- "Николай – II. Дневники" сайт Военная литература (militera.lib.ru)
- "Буддизм в Санкт – Петербурге" сайт
- Борис Камов "Тайны тибетских лам" сайт международного ежемесячника "Совершенно секретно"
- "Окружение Николая II" сайт "Хронос"
- "Правители России "Романовы" tzati.narod.ru
- "Династия Романовых" 1996 г. Библиотекарь.ru
- "Гатчина – вчера, сегодня, завтра" сайт
- "Российский император Александр –II 1818 – 1881 г. Психологический портрет" Библиотека Мошкова
- "Бадмаев, Доржиев и советские экспедиции в Тибет" NetMistik.ru

Не скоро совершается суд над
худыми делами; от этого и не
страшится сердце сынов
человеческих делать зло.
(Екклесиаст)
Пролог

Средневековая Франция

Когда Мишель взошёл на высокий помост, толпа взревела от восторга, предвкушая долгожданное развлечение. Мужчина был крепкого телосложения, его мускулистый торс покрывала черная рубаха без рукавов. Мужественную фигуру молодого человека немного портили короткие тоненькие ножки, обтянутые в плотные шоссы¹. Такое непропорциональное телосложение нисколько не мешало его профессии, напротив, казалось, сама природа создала его для того ремесла, которым он занимался. Мужчина внушал ужас и трепет всем, кто видел его.

Мишель встал лицом к толпе и картинно сложил руки на груди. В такие моменты он получал истинное наслаждение от своей работы. Душа его трепетала и улетала ввысь, возвращаясь в грешное тело властительницей всего живого на этом свете. Восторг сотен людей, собравшихся на площади, распирает грудь молодого человека и кружил ему голову. К его великому сожалению, теперь подобные события происходили весьма редко, так как сюзерен слыл добрым малым, и казни в его владениях совершались не часто. Но сегодня, сейчас, был именно такой день. Мишель Кюйит – младший служил палачом. За эти сладкие минуты всеобщего поклонения он, казалось, готов был отдать жизнь.

В повседневной жизни молодой человек трудился мясником в замке своего господина и это ему быстро наскучило, хотя несколько лет назад, когда Мишель был ещё мальчишкой, ему нравилось разделять свиные туши обожал наблюдать за отцом во время работы, с удовольствием смотрел, как расходится под острым лезвием ещё теплая плоть, и кровь алой струёй бьёт из фиолетовых жил. Когда мальчик подрос, отец стал доверять ему настоящий мясницкий нож, например, для того, чтобы распороть свиную тушу. Когда ком кишок, похожий на огромных сизых червей, вываливался из брюха, подросток испытывал странное облегчение, как будто он сам освобождался от лишней тяжести, раздувающей живот. Брат Мишеля не только не любил это делать – его тошнило от , а Мишелю ничего, нравилось, и он даже испытывал непонятное возбуждение. Младший сын был отцовской гордостью, не то, что слюнтяй Франсуа.

Однажды, когда Мишелю ещё не исполнилось и четырнадцати лет, отец дал ему нож и, кивнув на только что привезённого борова, предложил его зарезать. Подросток смело взялся за рукоять, а учитывая, что при этом присутствовала Аннет – кухонная девчонка, в которую будущий палач был тайно влюблён – он просто обязан был показать свою удаль. Недолго думая, юноша сильно ударил ножом в указанное отцом место на шее несчастного животного, а девочка при этом издала, видимо от страха такой сладострастный всхлип, что Мишель впервые в жизни почувствовал приятное томление в паху.

Со временем молодой человек даже превзошёл отца в этом деле, и после внезапной родителем от внезапного апоплексического удара, с успехом заменил его. О, теперь–то он мог себе позволить гораздо больше, совершенствуясь в своём мастерстве! Свиней Мишель теперь не резал, он им отрубал головы одним ударом, точно тяжелым топором попадая в проведённую черту на шее жертвы. Вскоре юноше это занятие тоже быстро наскучило; в замке ели много, свиней приходилось резать чуть ли не каждый день, и острота ощущений быстро пропала, превратившись в обыденность. Но алчная тяга юноши к убийству не прошла незамеченной, и может быть, это было к лучшему. Придворный мясник стал сначала помощником палача, а через некоторое время занял его место. Слава богу, что так произошло. Не стань Кюйит

– младший палачом, то стал бы кровавым убийцей, и жизнь свою Мишель закончил бы на плахе. Сказать, что молодой человек нашёл своё призвание, значит не сказать ничего. Одно дело потрошить свиней, и совсем другое – властвовать хоть несколько мгновений над человеческим телом, и каждая такая экзекуция становилась для него праздником.

Мишелю навсегда запомнилась первая самостоятельно проведённая казнь. Несмотря на то, что он легко одним махом отсекал голову огромной свинье, в тот день юноша панически боялся осечки. Всю ночь накануне Кюйит – младший от волнения не мог уснуть, и как велика была его радость, когда утром на эшафоте он увидел свою жертву – худенькую девчонку не более семнадцати лет на вид. Мишель не смог сдержать счастливой улыбки, разглядывая её тоненькую шейку, сломать которую можно было и без топора – двумя пальцами. Девушка рыдала и всхлипывала, напомнив Мишелю несбывшуюся мечту – Аннету, и вновь волна возбуждения охватила его. «Может и хорошо, – думалось молодому человеку, – что казни бывают редко, ведь это сохраняет остроту чувств и наслаждений, как на первом любовном свидании».

Тем временем, экзекуция шла своим чередом. Тщедушный Огюст, помощник палача, опустился на одно колено и протянул Мишелю раскрытый деревянный футляр. Молодой человек достал из него топор и с гордостью продемонстрировал его жаждущей крови толпе, тут же ответившей восторженным рёвом. Поймав остриём топора солнечный луч, палач пустил его в визжащую от восторга толпу и потом бережно убрал страшное орудие убийства до времени обратно.

Мишель никогда заранее не знал, кому суждено было попасть в его руки, и молодому человеку доставляло особое удовольствие посмотреть в испуганные глаза жертвы прямо перед плахой. Кюйит – младший в это мгновение чувствовал себя почти богом и властителем всех миров, кровь прилиwała к голове, а эйфория охватывала всё тело. Но это было лишь в первое мгновение, затем в нём брал верх профессионал, и он внимательно оглядывал шею, голову, волосы, пытался оценить, как будет вести себя жертва во время приготовлений к смерти.

Чтобы продлить удовольствие перед первой встречей с жертвой, Мишель стоял, опустив голову вниз, разглядывая дощатый помост, сердце его в этот момент бешено колотилось. Он знал, что казнить будут очередную ведьму. Обычно их сжигали на костре, однако сюзерен в этот раз проявил снисхождение за то, что колдунья излечила его дочь от смертельной болезни. Дочь выздоровела. Однако ни это доброе дело, ни даже слухи о том, что жертва являлась *basrado*² не повлияло на безжалостное решение сюзерена. Он был уверен, что без услуг дьявола целительница не обошлась.

Внезапно толпа разом стихла. В мертвой тишине было слышно лишь цоканье копыт и скрип повозки. Люди, вытянув шеи, смотрели в сторону улицы, с которой обычно ввозили жертву.

Долгие годы два человека жили, не зная о существовании друг друга. Каждый из них шёл по жизни своей дорогой, но сегодня их пути пересеклись в таких страшных ипостасях. Жизнь одного из них должна была прекратиться через несколько минут, а другой должен был её прервать, но... но земные реалии бывают гораздо удивительнее, чем можно было представить. То, что сегодня кажется невероятным, в следующий момент уже свершается с той лёгкостью, с которой происходит всё невозможное.

Повозка, тем временем, въехала на площадь. На грубых досках скрипящей колесницы, покрытых тонким слоем грязной соломы, в рваном, едва прикрывающем наготу, рубище сидела старуха. Впрочем, старухой её назвать было бы неверно. Сухощавая женщина с тонкими чертами лица сидела прямо, и гордо поднятая голова лишь подчёркивала её благородное происхождение. В руках, прижатых к груди, она держала ослепительно белый, на фоне грязного рубища, платок и нечто завёрнутое в него. На губах жертвы блуждала странная, едва заметная улыбка.

Казалось, женщина была озабочена чем-то важным, но только не тем, что её ожидало через несколько минут, словно к происходящему на площади она не имела малейшего отношения.

Лошадь, ведомая под уздцы двумя стражниками, замедлила и без того неспешный ход, а затем и вовсе остановилась. Солдат, шедший позади телеги, равнодушно подтолкнул женщину, давая понять, что уже пора освободить повозку. Жертва даже не удостоила его взглядом и, продолжая прижимать к груди платок, ступила на осклизлую брусчатку. В обычные дни здесь на площади торговали рыбой. В некоторых местах брусчатка была покрыта толстым слоем грязи, натаканной ногами тысяч людей за многие годы.

Торговая площадь была самым чистым местом в городе (прочие улицы давно превратились в непроходимые трущобы) и центром нехитрых развлечений горожан. Именно здесь проходили казни и другие экзекуции, с этого же помоста глашатаи объявляли последние распоряжения сюзерена. Отсюда же расходились все новости, и здесь же рождались городские сплетни. Если попытаться снять и промыть все слои накопленной грязи, то наверняка можно было стать богачом – столь много утерянного добра там скопилось за долгие столетия.

Тем временем женщина, легко ступая по лестнице, поднялась на эшафот. Этого не видел палач Мишель. Он внимательно разглядывал свои великолепные туфли в ожидании вождельного момента первой встречи с жертвой. Когда палач почувствовал, что жертва уже рядом, он поднял голову и вздрогнул. Перед ним стояла высокая статная женщина. Она держалась прямо. Ярко-синие глаза излучали спокойствие и доброту. В то же время во взгляде читалась скрытая угроза. Серые волосы космами спадали на белые плечи. «Надо сказать Огюсту, чтобы убрал ей волосы на затылок», – подумал Мишель. Женщина с лёгкой усмешкой смело смотрела ему прямо в глаза, палач на мгновение отвёл взгляд, и внезапный ужас сковал его тело. В сознании молодого человека вдруг промелькнула кровавая сцена собственной смерти. Возникло ощущение, что в действительности то он жертва, которая смотрит в глаза своему безжалостному палачу. Видение было страшным, однако Мишель все-таки был профессионалом и умел владеть собой. Усилием воли мясник прогнал странное видение. Впрочем, внешне это никак не проявилось в поведении палача. Он всё так же спокойно стоял и выжидательно смотрел на женщину.

Старинный обычай – отдавать в знак прощения что-либо ценное палачу – часто приводил к казусам и непредвиденным заминкам, которые портили зрелище. Как правило, жертва забывала о ритуальном прощении, и Огюсту приходилось незаметно напоминать ей об этом, разумеется, насколько это было возможно при таком стечении народа, но и этого иногда оказывалось недостаточно. Тогда в дело вступал сам Мишель. Он срывал рубище, едва прикрывавшее наготу жертвы, и забирал себе.

Такое развитие событий было крайне нежелательным для палача, так как пока Мишель занимался своими прямыми обязанностями, Огюст успевал обшарить лохмотья и вытащить всё ценное, поэтому после экзекуции приходилось обыскивать самого Огюста, сопровождая устные внушения воришке подзатыльниками. Это отвлекало от работы, и даже был случай, когда Мишель, кося глазом в сторону вороватого помощника, промахнулся и попал жертве топором прямо между лопаток, за что был освистан негодующей толпой.

Но в этот раз всё было по-другому. Чувствовалось, что старуху что-то тревожит, но только не те муки, какие она должна была претерпеть в скором времени. Жертва сжимала в руке белую тряпицу, завязанную в узелок, и продолжала неотрывно смотреть на палача. Казалось, что она чрезвычайно дорожила этой вещью и никак не решалась расстаться с ней. Наконец, закрыв тряпицу другой ладонью, бережно протянула её Мишелю. Приняв подношение, он сунул узелок в карман, специально пришитый именно для этой цели – сохранения мелких вещей иногда монет. Теперь палач мог целиком сосредоточиться на работе, и уже не надо было следить за вороватым Огюстом.

Предстоящие действия заслонили собой ужас, вызванный мелькнувшей в сознании кровавой сценой собственной гибели. Страх улетучился, а на его место пришла злоба и ненависть к улыбающейся старухе. Палачу хотелось как можно быстрее обезглавить ведьму. После этого она уже не будет представлять опасности, а пока Кюйит – младший не переставал её бояться. Чтобы хоть немного избавиться от волнения и страха, Мишель вновь достал из открытого футляра топор и стал тщательно протирать его рукоять. Затем смёл ладонью с плахи остатки соли, которой он посыпал огромный деревянный чурбан – сказывалась привычка обычного придворного мясника. Все эти необязательные мелочи позволяли ему сосредоточиться на предстоящем деле и отгоняли тревожные мысли.

В некоторых случаях, когда палач симпатизировал жертве и хотел облегчить её страдания, он шёл на обман. Например, мог шепнуть жертве, что сейчас поднесут приказ о помиловании и надо лишь подождать, положив голову на плаху. И ему верили! После таких моментов Мишель просто обожал себя за проявленную доброту и благородство, однако сегодня был совсем иной случай. Палач страстно желал доставить жертве как можно больше страданий, но на казни присутствовал сам сюзерен, а он этого не приветствовал. Мишелю пришлось сдерживать свои чувства. После той досадной ошибки, когда он промахнулся, палач постоянно помнил о том, что и сам может оказаться на эшафоте в качестве приглашённой персоны. Добрый сюзерен испытывал к Кюйиту —младшему неприязнь, а выразить ему, властителю судеб, благодарность за хорошую работу палача было некому – мгновенно обезглавленные не могли говорить.

Наконец час жертвы пробил, и палач медленно подошёл к плахе. Толпа уже была натянута как струна, и промедление могло только испортить долгожданное зрелище. Старуха глубоко вздохнула, будто избавившись от тяжёлой ноши, рукой отстранила Огюста, перекрестилась на три стороны и степенно опустилась на колени. Жертва сама подобрала волосы к затылку так, чтобы палачу было видно шею, положила голову на плаху и замерла в ожидании. Эти действия Мишель воспринимал как презрение к смерти, а значит и к нему самому. Он ещё больше разозлился. В толпе прекратился всякий шум, каждый боялся пропустить главный момент зрелища – отделение головы от тела. И он наступил.

Мишель вложил в удар весь свой накопивший гнев и всю свою молодую силу. После удара топора отрубленная голова с глухим стуком упала на пропитанные кровью сотен жертв доски эшафота, глядя на толпу широко раскрытыми синими глазами. Кровь с силой выплеснулась из обрубка шеи, как из кубка, почти на метр. И тотчас страх палача окончательно улетучился, гнев тоже. Мишель наклонился, чтобы поднять голову жертвы и предоставить её на всеобщее обозрение. При этом из его кармана, развернувшись, выпала тряпица с прощальным подношением ведьмы. Мишель на мгновение замешкался, чтобы подхватить её, и в этот момент произошло то, чего палач не мог увидеть воочию, но что видел несколькими минутами ранее в своем воображении.

Помощник, в обязанности которого входило приведение в порядок эшафота, потянулся к рукоятке топора, чтобы выдернуть его из плахи. Огюст был мал ростом и хил. Для того, чтобы выдернуть топор, силы рук не хватало, поэтому он всегда выдёргивал топор разгибанием спины. Так он сделал и на этот раз, но рывок оказался слишком сильным. Гладкое топорщище выскользнуло из рук помощника, топор описал широкую дугу в воздухе, будто самостоятельно выскочив из плотного дерева, и рухнул прямо на голову Мишеля, а Огюст плюхнулся со всего размаха на задницу.

Орудие палача было не столь тяжёлым, чтобы нанести сильный удар, но лезвие оказалось острым, как бритва, и легко располосовало шею Мишеля вместе с сонной артерией. Брызнула кровь, мужчина захрипел, выронил тряпицу, упал на бок и в предсмертной судороге заелозил тонкими ножками по доскам эшафота, как неудачно зарезанная свинья. Последнее, что увидел палач был зловещий блеск кроваво-красного камня в пасти льва. Брошь в виде головы льва,

омытая кровью и жертвы, и палача, незамеченной упала с эшафота под ноги ревушей толпы, а через мгновение её поглотила площадная грязь неизвестного французского городишки.

Толпа, распалённая зрелищем двойной смерти, ещё долго не расходилась с площади, подогревая эмоции алкоголем и восторженными грязными ругательствами. И только сюзерен вдруг побелел от страха – он единственный, кто успел заметить, упавшую в грязь брошь. Испуганный властитель вскочил с кресла и почти бегом покинул место казни...

Глава 1 Знакомство

Россия. г. Томск. 199*г.

В сибирском городе Томске летний зной редко когда держится дольше одной недели, но за это время жилые многоэтажки наполняются духотой до такой степени, что становилось трудно дышать. Офисные работники в такие моменты наслаждаются прохладой благодаря напряжённой работе кондиционеров, и только в старинных деревянных домах, и днём, и ночью держится более или менее комфортная температура, спасающая обитателей от душных бессонных ночей.

Михаил Сергеев гнал свой автомобиль по одному из центральных проспектов города, небрежно проскакивая колдобины и выбоины в мягком асфальте. Несмотря на жару, небо было закрыто низкими облаками, за которыми пряталось солнце, поэтому сквозь тонированные стёкла машины погода казалась пасмурной, а прохлада в салоне, поддерживаемая климат – контролем усиливала это обманчивое впечатление.

Не желая расставаться с комфортной температурой в салоне, Михаил глушить двигатель авто не стал. Он взял с пассажирского сиденья заранее приготовленную банку с пивом, ловко поддев пальцем металлическую скобу, с шипением и хрустом открыл её. Затем сделал несколько глотков. Сухая жажда постепенно растворялась в прохладном, пенистом напитке. Смакуя и не торопясь, допил его, покрутил жестянку в руках и бросил, уже пустую, на пассажирское кресло. Остатки пива выплеснулись на сиденье, и мужчина, чертыхнувшись, принялся вытирать с кожаного покрытия липкую влагу салфеткой.

Сергеев, довольно известный городе предприниматель, занимался финансовыми операциями, которые приносили не сверхвысокий, но вполне приличный и стабильный доход. Другое дело, что ему уже давно надоел этот бизнес, который был не то чтобы противозаконный, но и не совсем легальный.

Почти каждый бизнес в той или иной степени противоречит общечеловеческим моральным принципам, но тот, которым Сергеев зарабатывал себе на жизнь, целиком был построен на жестокости и бессердечии. Предприниматель выдавал деньги в рост, используя бедственное положение заёмщиков, обращавшихся к нему за финансовой помощью. Любая просрочка платежа облагалась крупными штрафными санкциями, не считая грабительских процентов по кредитам.

Несколько лет назад Михаил продал оставшуюся в наследство от матери квартиру. Продажа была удачной и, переведя рубли в доллары, он занял их своему приятелю. Благодаря разразившемуся кризису, начинающему предпринимателю удалось прилично заработать, хотя для его должника этот заем оказался роковым. Деньги заёмщику хоть и с трудом, но удалось вернуть в рублях уже по новому курсу к американской валюте, и в итоге сделка для Сергеева оказалась выгодной.

Михаилу не нравилась его работа, но зарабатывать на жизнь как-то надо было, да и привычка брала своё. Впрочем, он лгал самому себе. Молодому человеку можно было уже ничем не заниматься – денег хватило бы на сто лет вперёд, даже не работая, а только в меру расходуя их.

Перед каждым отпуском Сергеев всякий раз давал себе слово по возвращении бросить всё к чёрту и заняться другим, не столь рискованным и менее хлопотным делом. Но вот уже несколько лет подряд ровным счётом ничего не менялось. Ему самому было непонятно, почему он продолжал заниматься этим бизнесом. Однако каждый раз азарт одерживал победу над благоразумием, и Михаил вновь ввязывался в сделку. Деньги для него уже давно перестали быть мерилом благополучия, но являлись своего рода показателем жизненного успеха и превосходства над окружающими. Как только расчётный счёт в банке пополнялся очередной порцией долларов, Сергеев ставил перед собой новую цель – кругленькую, с несколькими нолями, сумму, и возникшее желание достигнуть этого рубежа только усиливалось. Так могло продолжаться бесконечно, ведь Михаил не понимал, что это и есть алчность.

Молодой человек открыл дверцу машины, и полуденный жар короткого сибирского лета мгновенно вытеснил из салона прохладу. Михаил вышел из машины, прихватив с собой пустую жестянку, чтобы избавиться от неё возле ближайшего мусорного бака. Предприниматель оставил джип под надёжной охраной автомобильной стоянки, которая делила территорию с рынком, и, неторопливо направился в сторону пешеходного перехода.

Несколько лет назад здесь, на пересечении проспектов Фрунзе и Комсомольского, образовался стихийный рынок, которых немало возникает в каждом городе. Торговали здесь в основном пенсионеры и дачники продуктами со своего огорода. Прилавками им служили старые деревянные ящики, иногда раскладные столики. В конце лета появлялись грибы и ягоды, затем и кедровые шишки, и орехи. Зимой добавлялась свежеевыловленная речная рыба. Продавцы здесь постоянно менялись либо появлялись лишь время от времени, и только две торговки семечками оставались неизменно занимали свои места каждый день на одном и том же месте. Одна из них, женщина очень преклонного возраста, сильно выделялась на фоне остальных торгов

Трудно было определить её точный возраст. Ходила она медленно с трудом, опираясь на палочку, но держалась прямо. Присаживаясь на низкую табуреточку подле своего импровизированного прилавка, женщина всегда расправляла плечи и гордо держала седую голову. И движения рук Софьи Михайловны были лёгкими и грациозными, как у молодой девушки. От неё постоянно исходил едва ощутимый приятный аромат свежести. Правильные тонкие черты некогда прекрасного лица с синими глазами говорили о её благородном происхождении. Одевалась женщина всегда в одно и то же старомодное, длинное, почти до пят коричневое платье с ослепительно белым и туго накрахмаленным кружевной воротником на плечах.

Сергеев был с ней знаком, но это было то поверхностное знакомство, когда люди, зная друг друга только в лицо, при встрече здороваются из вежливости. Однажды Сергеев, понимая, что женщина нуждается в средствах, попытался вручить ей некоторую сумму денег, но тут же в ответ получил категорический отказ. Тогда он купил стакан семечек и отказался от сдачи, и этот жест был с негодованием отвергнут. Холодный взгляд ярких голубых глаз красноречиво говорил о том, что подобного рода попытки ей помочь, обречены на провал. Товарка женщины, баба Катя, только молча наблюдала за этим молчаливым противостоянием богатства и гордой бедности и каждый раз с укоризной качала головой. С тех пор, проходя через импровизированный рынок, Михаил стал постоянно покупать у этой женщины семечки, которые он не любил и каждый раз выбрасывал в урну, но так, чтобы старенькая продавщица этого не видела. На самых Сергеев предпочитал фисташки.

В этот раз Михаил предпринял очередную попытку перехитрить упрямую продавщицу. Он вручил ей крупную купюру и как всегда попросил стакан семечек. Женщина гневно посмотрела на молодого человека и твёрдо произнесла:

– Мишенька, если Вы ещё раз попытаетесь таким образом подсунуть мне лишние деньги, то я перестану продавать семечки и буду вынуждена отдавать их Вам бесплатно.

– А Вы откуда знаете, как меня зовут? – после неловкой паузы растерянно спросил Сергеев.

– Молодой человек, я женщина уже пожилая, если не сказать престарелая и могу определить имя по внешности, – её холодный до этого момента взгляд вмиг подобрел.

– А разве так можно? – искренне растерялся Сергеев.

– Да, что Вы! – всплеснув руками, вмешалась в разговор баба Катя. – Вы тут однажды с женой мимо шли, а она Вас по имени назвала. Мы услышали, – заразительно засмеялась торговка. – Вот и весь секрет!

– Тогда мне подумалось, что Вы, сударь, тёзка моего батюшка, – женщина протянула Сергееву газетный кулёк с семечка. – Деньги завтра отдадите. Сдачи, как Вы правильно считали, у меня нет.

– Михайловна значит, – молодой человек аккуратно взял семечки из рук продавщицы.

– Софья. Софья Михайловна, – женщина чуть поклонилась, не вставая с табурета.

– Софья... – протянул Сергеев. – Красивое имя, но...но старомодное. Простите, – тут же, смутившись, извинился он.

– Мил человек, Вы посмотрите на меня, – иронически усмехнулась Софья Михайловна, – Как думаете, сколько мне лет? Впрочем, можете не отвечать всё равно не угадаете. Когда я родилась моё имя было в моде.

– Ну...выглядите Вы... – замялся Михаил.

– Вот только не надо мне льстить, – бесцеремонно прервала его женщина. – Я уже жить устала, но приходится, – она вновь перешла на иронический тон. – Впрочем, любезный Мишель, я о смерти не думаю. Я всегда знала, что это наступит только тогда, когда я расстанусь со львом. Смею вас уверить, сударь мой, смерть не трагедия, а освобождение.

– Расстанетесь с Львом Толстым? – неловко пошутил Михаил. Однако его попытка сменить философскую тему жизни и смерти на более лёгкую, потерпела фиаско.

– Нет, – не приняла собеседница. – Я его не помню, а вот мой батюшка был знаком со Львом Николаевичем, но недолюбливал его. У Толстого были сложные отношения с Богом, да и характер тяжёлый, а порой язвительный, особенно в отношении своих коллег. Ну, ступайте уже домой, Вас, верно, жена заждалась.

Но Сергееву хотелось продолжить разговор, и он с искренним удивлением спросил:

– Ваш папа был знаком с писателем Толстым?

– Был знаком и не только с ним.

– А-а-а... – растерянно протянул Михаил и тут же осёкся.

– Опять хотите спросить сколько мне лет? – лукаво произнесла Софья Михайловна. Сергеев неловко топтался на месте, не решаясь задать вопрос, но потом все-таки промолвил:

– Кем же был Ваш папа?

– При дворе служил. Разумеется, при царском дворе, а не дворником в соседнем доме. Я Вам больше скажу, – перешла на шёпот Софья Михайловна. – Он и государем на короткой ноге был.

– Не может быть! – воскликнул Сергеев и недоверчиво посмотрел на женщину, а затем перевёл вопросительный взгляд на её соседку, и та утверждающе кивнула головой.

– Как же Вы очутились в нашем городе? Он ведь так далеко от... – Михаил покрутил в руках пакет с семечками и неожиданно для себя высыпал их обратно в кастрюльку Софьи Михайловны.

– Впрочем, милостивый государь достаточно разговоров, – прервала его собеседница, – Ступай домой, а я, пожалуй, тоже домой отправлюсь. Не возражаешь? – обратилась она к бабе Кате, и та только всплеснула руками вместо ответа. – Что-то я себя плохо чувствую. Разволновалась, должно быть, – Софья Михайловна высыпала оставшиеся семечки из кастрюли в полупустой мешок, который стоял у её ног.

– Давайте, я Вас до дому подброшу, – обрадовался Михаил.
– Побрасывать не надо, – усмехнулась женщина, и её синие глаза блеснули лукавым светом, – а вот, если довезешь до крыльца – буду весьма признательна.
– Я только домой сбегая. Мне надо жену предупредить, что я задержусь. Хорошо? Я рядом живу, так что я быстро, – заверил Софью Михайловну Михаил.
– Беги, беги, а я пока вещички свои соберу.
Сергеев был рад возможности продолжить общение с этой невероятной и даже загадочной женщиной.

Глава 2. Странное предсказание

Когда Сергеев вернулся к киоску, Софья Михайловна уже собрала торговые принадлежности и терпеливо ждала его, сидя на табуретке. Молодой человек легко подхватил полупустой мешок с семечками, а другой рукой взялся за импровизированный прилавок.

– Нет, нет. Ящик пусть остаётся, – остановила его женщина. – Он здешний. Его сейчас кто-нибудь для себя приспособит... а вот табуреточку, голубчик, потрудитесь прихватить, – Софья Михайловна, опираясь на свою выдавшую виды трость, поднялась с места.

– Простите, но машины придётся прогуляться пешком, – извинился Михаил.

– Прогуляемся, прогуляемся, – охотно согласилась женщина и двинулась следом за молодым человеком.

В этот жаркий полдень машин было мало, и дорога не заняла много времени. Через несколько минут езды Сергеев миновал главную площадь города, и как только патрульный пост ГАИ остался позади, по просьбе пассажирки он направил автомобиль направо. Затем Софья Михайловна указала на едва заметный проулок, который сразу вёл круто вверх. Асфальт сменился старинной брусчаткой. Справа остался памятный камень, установленный в честь основания города.

Отсюда, с Воскресенского холма, открывался изумительный вид на город и на реку, на противоположном берегу которой начинался сосновый бор, но сейчас эти красоты ни Сергеева, ни его пассажирку не интересовали. После того как миновали католический костёл, к мостовой подступили старые деревянные дома.

Михаил любил этот забытый временем и властями уголок города. В юности молодой человек частенько прогуливался здесь по старинной брусчатке. При каждом посещении этого уединённого места Сергееву почему-то чудилось, что он уже жил здесь в старинном сибирском городе в дореволюционные времена. Романтические чувства охватывали душу, ностальгия о прошлом, которого у него не было, сжимала сердце.

Автомобиль медленно двигался по брусчатой мостовой одной из первых улиц Томска. Михаил то и дело посматривал на Софью Михайловну. Возле двухэтажного деревянного дома с мезонином она попросила Сергеева остановиться. Бывая здесь, на улице Бакунина, Михаил не раз проходил мимо этого, почти потерявшего жилой вид, особняка, и не мог подумать, что однажды судьба приведёт его в этому покосившемуся крыльцу, с остатками былой купеческой роскоши.

Сергеев помог женщине выбраться из машины, и пока она поднималась на крыльцо, достал все её торговые принадлежности из багажника машины. Не дожидаясь вопросов, Софья Михайловна обернулась и произнесла: «Сударь, оставьте мои вещи здесь на крылечке, я их потом запру в чулан».

Михаил отворил массивную деревянную дверь, пропустил женщину вперёд, и они вошли в полутёмный коридор. Внутри пахло квашеной капустой, воском и керосином. В этом купеческом доме будто ничего не изменилось за последние сто лет. Михаил присел перед печью, некогда предназначенной для обогрева коридора и давно утратившей своё первоначальное назна-

чение. В свете тусклой лампочки его внимание привлекла чугунного литья печная дверца. Несмотря на то, что она была многократно покрашена синей масляной краской, в центре её были отчётливо видны витиеватые буквы «Н» и «Г».

Софья Михайловна, кивая головой, промолвила:

– Да-да. Это дом купца первой гильдии Горохова. Николай Митрофанович был щедрым меценатом. Под его опекой находилась гимназия его имени, библиотека, и даже театр. Это и погубило купца. Я сейчас имею ввиду занятость благотворителя на общественных должностях. Из-за нехватки времени основное своё дело – мукомольное производство – он препоручил своему двоюродному брату, а тот, сам не нажив капиталов, обобрал Николая Митрофановича до нитки. Всё имущество Горохова пошло с молотка в уплату долгов и перешло в руки купца Михайлова. Тогда милосердие было в чести, и Михаил Никитович, то есть Михайлов, оставил Горохова доживать свой век здесь же, вон в той комнате. – на мгновение умолкнув, Софья Михайловна указала на дверь в конце коридора и продолжила: – Тем не менее, Николай Митрофанович не чувствовал себя несчастным. Принял на себя обязанности истопника и благодарил Михайлова за то, что тот продолжал финансировать почти все его благородные начинания, включая театр. Преставился Горохов здесь же в 1913 году. Присел подкинуть дров в эту печь, аккуратно по возвращении с церкви, и Господь взял его к себе без мучений.

Софья Михайловна говорила об этом, так как будто была лично знакома с теми, о ком рассказывала. Михаил даже хотел спросить её об этом, но побоялся оказаться в неловком положении и поэтому промолчал. По широкой деревянной лестнице с резными облезлыми балясинами они поднялись на второй этаж, и Сергееву вдруг почудилось, что вот сейчас им навстречу выйдет сам Горохов в шёлковом жилете и хромовых сапогах «бутылками». Конечно, этого не случилось, а Софья Михайловна повела гостя ещё выше по крутой и узенькой лестнице туда, где виднелся вход в мезонин. Наощупь, недолго повозившись с замком, хозяйка распахнула дверь, и они очутились в небольшой каморке с единственным оконцем, за которым виднелся маленький балкон.

Обстановка в этой комнатке была такой, что Михаил принял бы её за музейную экспозицию мещанского быта конца девятнадцатого века, если бы не знал, что это жилище Софьи Михайловны. Только белый электрический чайник напоминал здесь о достижениях современной цивилизации. Сергеев подошел к окну и с интересом кинул взор на улицу. Хозяйка внимательно посмотрела на гостя, проследила за его взглядом и грустно улыбнулась. Софья Михайловна, заметив, как он удивленно окинул взглядом её комнатку, произнесла:

– Миша, знаете, почему пожилые люди так не хотят расставаться со своим старьём? Потому что таким способом они пытаются вернуть прошлое и продлить настоящее, а будущего у них нет. Хотя кто знает, у кого оно есть? У меня или у молодого человека, к примеру, вон у того? – хозяйка кивком головы указала на парня в красной футболке, который в это время садился в иномарку жёлтого цвета возле соседнего дома. Сергеев посмотрел вслед резко стартовавшей машине и отошёл от окна.

– Странно, – удивился он, – балкон есть, а двери нет.

– Это после пожара в 1946 году перестроили, небрежно махнула рукой Софья Михайловна. – Присаживайтесь, присаживайтесь, молодой человек, – предложила хозяйка и подвинула к нему старый венский стул. – А хотите, я вам погадаю? – неожиданно спросила Софья Михайловна. Она подошла к недавно побеленной стене, подтянула вверх гири потемневших от времени ходиков, достала из комода шкатулку, и в руках её тотчас появилась старая колода необычных карт. Тасуя их, Софья Михайловна произнесла: – Впрочем, хотите вы того или нет, но вам придётся меня выслушать.

Женщина присела на краешек табурета напротив Сергеева, протянула ему колоду и, предлагая сдвинуть карты, сказала: «Только правой рукой и на себя, пожалуйста».

Михаил охотно выполнил её просьбу, заинтересованно посмотрел на ветхие прямоугольники картона и промолвил:

– Странные какие-то карты. Я ни разу не видел таких.

– О, это карты Ленорман, – Софья Михайловна аккуратно разложила колоду.

– А кто это такой? – спросил молодой человек и подвинулся ближе к столу.

– Не такой, а такая, – поправила собеседника хозяйка и добавила: – Известная гадалка и предсказательница. Именно она предсказала судьбу Наполеона и его Жозефины. Сохранились лишь эскизы её карт, а методика гадания считается утерянной, но мне она знакома. Разумеется, я методику имею в виду, а не саму мадам Ленорман.

Рассказывая о знаменитой гадалке, Софья Михайловна старательно разложила в определенном порядке карты, а затем умолкла. Она долго и внимательно рассматривала сложившуюся комбинацию. Наконец гадалка одним движением руки собрала карты и пристально посмотрела на Михаила. – Ну, что ж, милостивый государь, о прошлом я вам говорить не буду. Об этом рассказывают жуликоватые цыганки, да и то общими фразами, чтобы произвести впечатление на клиента. Мне это ни к чему. Вы ведь своё прошлое лучше меня знаете? Настоящее слишком кратковременно, чтобы о нём рассуждать... будущее... об этом чуть позже. Давайте-ка, я расскажу вам о вас. Это поможет правильно оценить самого себя в дальнейшем, – предложила Софья Михайловна, убирая колоду в комод. – Редко кто себя оценивает адекватно, как правило – завышено. В собственных глазах все поступки хороши, а если оказывается, что не очень хороши, то всегда находится причина для оправдания, не так ли? Вот вы, Мишенька, предприниматель, а ведь в наше время, в российском варианте, успешный бизнес в большинстве случаев предполагает наличие у его владельца ряд отрицательных качеств в общечеловеческом смысле. Вы ни разу не задумывались над этим? Приходилось ведь идти на компромисс с совестью, признайтесь? Нет, не мне признайтесь, а самому себе. Не всегда были честны с компаньонами и партнёрами, да и к жене своей – хоть и любимой – относитесь снисходительно. Это называется гордыня. Увы, всё это мне и без гадания ясно.

Теперь немного о вашем будущем. В ближайшее время Вас начнут преследовать неприятности. Крупные и мелкие, но вы с ними в силах справиться. Хотя волевых усилий придется приложить немало. А вот потом... позже... значительно позже... все проблемы исчезнут. Наступит, на первый взгляд, безоблачная жизнь. Успешная карьера, материальное благополучие и прекратить вы это не сможете никак, хотя вам это сильно захочется.

– Как это? – Сергеев удивлённо посмотрел на собеседницу.

– А это уж совсем сложно для вашего понимания. Тем более, что сверх того, что я уже вам сообщила, не имею права сказать, – категорически заявила женщина. – Давайте-ка, я вас провожу, и на сегодня мы расстанемся – ужасно разболелась голова, — женщина тяжело поднялась со стула, и не глядя на гостя, направилась к выходу. Уже в дверях Софья Михайловна задала ему неожиданный вопрос: – Мишенька, а вы веруете в Бога?

Михаил помялся, не зная, что ответить. Он находился ещё в том возрасте и состоянии, когда не задумываются о бренности всего проходящего, а жизнь представляется бесконечно долгой. Свои поступки кажутся исключительно правильными и никак не связываются с тем, как складывается судьба. Лихорадочно пытаюсь сформулировать обтекаемый ответ, Миша задумался, и затянувшуюся паузу прервала сама Софья Михайловна: – Простите за бестактность. Можете не отвечать, да это пока и не очень важно. Хотя, на самом деле, это важно всегда и для всех... Ох, я вас даже чаем не напоила, – виновато всплеснула руками хозяйка.

Михаил рассеянно попрощался и, не оборачиваясь, пошёл вниз по лестнице. Молодой человек был настолько озабочен услышанным, что даже не заметил, как за ним с скрипом затворилась дверь в каморку. Сергеев вышел из дома, нерешительно потоптался на крыльце, сел в свой джип и тронулся с места.

Машина долго тряслась по булыжной мостовой, хотя преодолено было не более трехсот метров вдоль тихой улочки. Перед крутым спуском Сергеев притормозил. Оставалось только спуститься к центральной площади города и влиться в оживленный поток автомобилей на проспекте, но Михаил делать этого не стал. Он припарковал машину на небольшой площадке перед костелом, который возвышался перед спуском мостовой.

Молодому человеку необходимо было время, чтобы обдумать всё услышанное от Софьи Михайловны. Он был разочарован. Михаил рассчитывал на долгий интересный разговор, надеялся узнать историю жизни хозяйки, но услышал только обидную характеристику в свой адрес, с которой он был категорически не согласен. А ещё странное и, как ему показалось, бессмысленное предсказание. Предчувствие надвигающейся беды не покидало Сергеева. Молодой человек не верил в гадания, но слова Софьи Михайловны произвели на него неприятное впечатление. Стало жутко, и приятный голос гадалки вновь зазвучал у него в голове, неожиданно обретая угрожающий тон.

Сергеев присел на скамью. Внизу, у подножия холма, раскинулась центральная площадь города. Оживлённо сновали автомобили, маленькие фигурки людей в полной мере олицетворяли собой броуновское движение. Глядя на эту обыденную суету, Михаил остро ощутил себя вне этой жизни, вне бытия...

Молодой человек раньше никогда не бывал у гадалок. Иногда в весёлых компаниях или застольях друзья пытались раскладывать карты, но это было всего лишь баловством, забавным развлечением. Сегодня Михаил услышал нечто особенное, и эта призрачная возможность узнать своё будущее будоражила кровь, пугала и одновременно вызывала странный азарт. Захотелось вернуться и повторить сеанс, чтобы попробовать узнать иные – более детальные – подробности предстоящих событий. Душа требовала объяснений и подробностей грядущих событий.

Сергеев порывисто встал и сделал несколько быстрых шагов в сторону машины, чтобы вернуться назад и потребовать объяснений от гадалки, но его решимость быстро пропала. Михаил, вспомнив строгий взгляд синих глаз Софьи Михайловны, замедлил движение, неуверенно остановился, затем вяло махнул рукой и вернулся к скамейке.

Через двадцать минут Сергеев уже сидел за рулём с твёрдым намерением на следующий день непременно обратиться к гадалке за повторным сеансом.

Глава 3 Смерть солдата. Обретение.

Франция, 1814 г.

Весна в этот год выдалась поздней и холодной, но после студёной зимы даже это казалось благодатью. Снег уже растаял, однако поля и холмы оставались ещё сырыми, а дороги, разбитые многочисленными обозами, представляли собой сплошное глинозёмное месиво. Дневной переход пехотного полка выдался долгим и тяжёлым, оживленные разговоры солдат прекратились ещё к обеду, а сейчас уже вечерело. Было слышно только фыркание лошадей, скрип колёс, бряцанье оружия и смачное отхаркивание уставших военных. Служивые с завистью поглядывали на офицеров, передвигающихся верхом, а те, очевидно, утомившись не меньше, но только в других частях тела, время от времени приподнимались на стременах, стараясь дать отдохнуть натруженному седалищу.

Наконец по колонне волной от полкового командира, многократно продублированное, пронеслось: «Привал!». Солдаты остановились, но строй не рассыпался. Каждый из них ждал конкретной команды от своего фельдфебеля, и лишь услышав зычное: «Разойдись! Привала!», бойцы разбрелись по ближним пригоркам. Объявленный командиром полка отдых был вызван не только заботой о личном составе – через минуту вдоль дороги проскакал посыльный,

на ходу оповещая офицеров о совещании, и они, чертыхаясь вполголоса, потянулись в голову колонны.

Старый служака Михай Пересыпкин выбрал на кособоком месте посуше, улегся на спину и приподнял ранец повыше так, чтобы тот пришёлся прямо ему под голову. Затем водрузил на согнутое колено испачканный кивер, разгладил пышные усы и толкнул локтем лежащего рядом солдата, – Эх, домой в Рассею, охота. Щас добьем французика, а там, глядишь, и до увольнительной недалече. Видал, тута по всёй дороге-то одни бабы стоят, вьюношей, небось, война повыкосила.

– Дык ить, ведь сколь и нашего брата, и ихнего полегло. Мою деревню разорил ханцуз дочиста, а тут пальцем никого не моги тронуть, зараз от их благородия в зубы получишь, а то и того хуже... – лениво отозвался, отдыхавший рядом, солдат Ерёма.

– Я знаешь, чего думаю. Даст Бог домой скоро, надо бы гостинцев бабе своей раздобыть. Не иначе, мы в энтим городишке заночуем, – Михай указал на видневшийся вдали домики и задумчиво продолжил:

– Как стемнеет, так и на добычу пойдем. А, Еремей?

– Не-а, грех это до времени гостинцы собирать, того и гляди Бога прогневишь, он вместо дома в чистилище отправит, – отвернулся приятель.

– Ну, как хош. Должно на рекогносцировку порысили командиры-то наши. Точно ночлег тут будет, – Михай довольно заулыбался, глядя в начало колонны, где накоротке проходило совещание офицеров.

Полковой командир подполковник Нозеватов уже мчался, погоняя гнедую кобылу, сопровождаемый адъютантом и тремя офицерами в направлении городка, а это означало, что раньше, чем через час они не вернуться. Пересыпкин заёрзал, лёжа пытаясь скинуть ранец с плеч. Солдату удалось это без особого труда, и он открыл его. Там, на самом дне, лежал табачок, добытый у убитого француза ещё перед Березиной. Не брезговал Пересыпкин ни покойника обчистить, ни бабу, какую при случае прижать, за что и недолюбливали его сослуживцы, но уважали – за храбрость в бою.

Поручик Невмержицкий изо всех сил гнал коня, сопровождая командира полка последним и, хотя пыли не было, он по привычке держался с наветренной стороны. Когда копыта зацокали по брусчатке, все всадники враз умерили лошадей, перейдя с галопа на рысь, а затем и вовсе пошли шагом.

Предстояло найти местное градоначальство, что оказалось делом довольно легким. Продолжая двигаться по главной улице, через некоторое время офицеры достигли центральной площади. Адъютант первым спешился и взял под уздцы обеих, свою и полкового командира, лошадей. Подполковник ткнул пальцем в сторону здания с крутыми черепичными скатами и часами на небольшой башенке и не то вопросительно, не то утвердительно произнёс: – Полагаю, это и есть магистрат, мэрия, или как бишь у них это называется. Полковой командир лукавил. Он, конечно, знал, как это называется, но таким образом выражал пренебрежение к поверженному противнику.

– Любезный, не сочтите за труд, – обратился он к адъютанту. – Узнайте, есть, кто там внутри, или они все разбежались со страху?

Однако входить в здание не пришлось. В дверях появилась делегация из четырёх человек. Очевидно, русских уже ждали, хотя хлеба с солью не приготовили. Офицеры спешились и взошли на высокое каменное крыльцо. Во главе встречающей группы французских господ был маленький и пузатенький человечек в гражданском платье, судя по всему, глава Солуара – именно так назывался городок. Командир полка ухмыльнулся. – Что, этот *citoyenne*³ и есть мэр?

Члены делегации согласно закивали, поняв из всего сказанного всего одно слово. Градоначальник жестами настойчиво приглашал офицеров войти в дом. При этом он заискивающе

заглядывал в глаза подполковнику и суетливо кланялся. Именно такими должны были быть, в его понимании, взаимоотношения между побеждёнными и победителями. Он говорил так быстро, что подполковник не выдержал и обратился к адъютанту: «Любезный, этот дурень от страху частит, как продажная девка при исполнении обязанностей, а я совершенно ничего не понимаю, уймите его уже как-нибудь». Командир полка опять лукавил – все русские офицеры владели французским языком в совершенстве.

Провинциальные чиновники никогда ранее не видели русских офицеров и были крайне удивлены и смущены, когда военные все вдруг, а из вежливости к заговорили по-французски даже между собой.

Как ни странно, но именно этот факт успокоил противную сторону. Поддерживая непринуждённую беседу, все вошли в кабинет, и мэр усадил полкового командира на своё рабочее место. Этому предшествовала недолгая борьба, в ходе которой подполковник отказывался занять кресло градоначальника, а мэр настаивал. В этом локальном сражении победу одержали французы. Нозеватов сердито проворчал: «Такое бы упорство под Смоленском, и мы вовек бы тут не оказались», – и нехотя уселся в кресло. Он осмотрела по сторонам. Особенно подполковнику понравилась – как истинному военному – карта города на стене за креслом. Он назидательно поднял палец и спросил, обращаясь к своим подчиненным: – Вы где-нибудь у нас, в каком-нибудь Муходранске видали так великолепно выполненную карту?

Вопрос повис в воздухе, однако далее беседа приобрела живость и непринужденность. Выяснилось, что граждане города давно знают о подходе русских войск, «с нетерпением ожидают, а посему рады приютить их в своих домах». Удовлетворившись результатами переговоров, а иначе и не могло быть на оккупированной территории, русская делегация быстро решила бытовые вопросы и во весь опор поскакала обратно.

Через два часа полк находился в городе, а к наступлению сумерек уже разместился по квартирам. Несмотря на заверения мэра в лояльности жителей – он даже билеты на квартиры не стал выписывать – при заселении возникали конфликты. Многие граждане не желали принимать на постой солдат без оплаты, а лишь вид сабель и ружей смягчил сердца разгневанных хозяек и их мужей.

Подпоручик Невмержицкий после размещения полка получил от начальника штаба назначение на дежурство. Подпоручику нравились ночные дежурства. Предстояла бессонная ночь в проверках постов и караульных, зато потом, днём, можно было выспаться или провести время по собственному усмотрению.

Молодой офицер происходил из благородного, но обедневшего дворянского рода, и только военная служба могла обеспечить ему достойную жизнь, что и послужило главной причиной его поступления в армию. Из-за стеснения в средствах Невмержицкий никогда до этого не бывал за границей, и отнюдь не увеселительный поход был его первым посещением нескольких европейских стран. Поэтому, несмотря на боевые действия, как только позволяли обстоятельства, поручик старался осмотреть какую-нибудь достопримечательность и прогуляться по городу. Тем более теперь, когда война практически закончилась.

На следующий день после предстоящего дежурства он собирался совершить небольшую конную прогулку. Начальник штаба, зная это пристрастие своего подчинённого, а также его добросовестность при исполнении воинских обязанностей, охотно назначал его дежурным офицером.

После отбоя уставшие бойцы быстро заснули и особого контроля не требовали, зато караульные, как раз наоборот, нуждались во внимании со стороны начальства. Сразу после полуночи Невмержицкий вышел на крыльцо мэрии – она была отдана под штаб – и сел на ступени. Запрокинув голову, подпоручик восхищенно разглядывал непривычную архитектуру европейских домов. Отсвечивавшие в лунном свете черепичные крыши и силуэты высоких дымоходов

напомнили ему волшебное королевство, которое существовало только в фантазиях молодого подпоручика – его ещё юной и романтической душе были присущи сказочные мечтания.

Внезапно внимание Невмержицкого было привлечено мелькнувшей через дорогу тенью. Офицер поднялся и, напряженно вглядываясь в темноту, полушёпотом позвал вестового. Тот выглянул из дверей и немедленно отозвался:

– Я тут, вашбродь.

– Ну-ка глянь, вроде как стоит кто-то в темноте, – шёпотом произнёс подпоручик и указал рукой в направлении, где мелькнула, как ему показалось, тень. Несколько минут они вслушивались в тишину и наконец офицер негромко промолвил: – Ладно, ступай, верно, показалось.

Вестовой, скрипнув дверью, удалился, а Невмержицкий пошёл успокоить, встревоженную лошадь. Через мгновение, когда всё стихло, тень облегчённо вздохнула и зашевелилась – это оказался не кто иной, как рядовой Пересыпкин. Он запихал лезвие штыка в рукав сюртука, чтобы оно предательски не блеснуло в лунном свете, и отправился по сонной улочке в направлении небольшого аккуратного дома.

Этот домик Михей присмотрел ещё с вечера, когда полк только входил в город. Как ему тогда показалось, принадлежал он зажиточному горожанину. Туда даже никого из офицеров не поселили. Михей тихо подкрался к дому и ловко перемахнул через невысокий забор. Ум его давно не знал страха, а очерстевшая душа – угрызений совести, поэтому он спокойно подошёл ко входу просунул в дверную щель прочный клинок и с силой нажал. Дверь неслышно распахнулась. Никем незамеченный Михей проник в первую комнату. Здесь его ждал успех, оглядевшись, он понял, что не ошибся в выборе дома.

В углу комнаты рядом с распятым, висевшем на стене, стояла полая фигурка Божьей Матери. А уж такой опытный служака, как рядовой Пересыпкин, знал, где прячут наиболее ценные вещи. Взяв статуэтку, перевернул её, сунул руку внутрь и довольно улыбнулся. Пальцы нащупали тряпичный сверток. Осторожно вытащив его, он обернулся, и горячая волна страха ударила в голову. Он оцепенел. В дверном проёме освещённая лунным светом, воздев руки кверху, стояла фигура, облачённая в чёрный балахон.

Война – это страшная катастрофа, которая подобно топору палача рассекает надвое страны, народы и сознание каждого человека. Дело вовсе не в том, что при этом жизнь делится на «до» и «после». Главное заключается в ином: одни, пройдя горнило войны, осознают, что только Бог спас их от неминуемой смерти, и становятся честнее и добрее, начинают ценить жизнь и свою, и чужую. Другие, наоборот, возмнив себя властителями побеждённых, и уверившись в собственной исключительности – ведь сумели же выжить в этой войне – озлобляются, и эйфория вседозволенности сжирает душу и у простого солдата, и у полководца многочисленной армии. Пороку подвластны все. Михей не был исключением, и, увы, он относился ко второй категории.

Крестьянский сын Пересыпкин был мужиком трудолюбивым, в меру верующим и на селе слыл добрым малым, но солдатская служба, война с французом в корне изменили его, сделав циничным и беспощадным солдатом. Но даже он содрогнулся от ужаса в тот момент, когда понял, кто стоит перед ним.

Именно священник сейчас стоял в дверях и скороговоркой на своём языке пытался что-то объяснить солдату. Ах, если бы некогда богобоязненный юноша мог понять, что говорит ему отец Мишель, он наверняка сдержал бы свой бойцовский инстинкт, который бросил его душу в безвозвратную пропасть гибели. Солдат кинулся к выходу, который загораживал священник и, ткнув того в грудь штыком, выскочил прочь на улицу...

Почти всю ночь подпоручик Невмержицкий провёл на холодных ступенях крыльца, и на это было две причины. Первая – на свежем воздухе меньше клонило в сон – всё-таки тяжелый переход давал о себе знать. Вторая причина заключалась в том, что у караульных была своя система оповещения, и как только дежурный офицер выходил на крыльцо, даже самый дальний

часовой уже через минуту знал об этом. Невмержицкий поэтому и сидел на крыльце, чтобы держать солдат в постоянном ожидании проверки постов. Несмотря на реальную угрозу мести французов, служивым на посту хотелось хоть десяток минуток вздремнуть, подвергая этим смертельной опасности не только свою жизнь, но и жизни своих однополчан. Светало и, борясь со сном, подпоручик занимал себя тем, что разглядывал небольшую стайку прихожан, уже собравшихся у небольшого костёла.

Вот-вот должна была начаться служба, но священник почему-то опаздывал, и именно это вызывало беспокойство верующих, которые нетерпеливо ожидали святого отца. Городок постепенно оживал, и поручику было интересно наблюдать за чужой жизнью в чужой стране.

Прошла молочница, важно неся своё пышное тело. За ней, громыхая колёсами тележки по булыжнику, плёлся тщедушный мужичок, очевидно, супруг и подчинённый торговли в одном лице. Прихожан перед церковью становилась всё больше, и усиливающийся гомон говорил о том, что беспокойство их росло. Наконец от толпы отделился мальчуган лет десяти и побегал по направлению к одной из улочек.

Отправив гонца, люди немного успокоились. Невмержицкий встал и сладко потянулся в предвкушении скорого завтрака и последующего отдыха – этих немногих, а потому значительных удовольствий походной жизни. Мечтательное настроение подпоручика было прервано отчаянным детским криком, внезапно нарушившим размеренный ход провинциального утра. Через мгновение на площади появился и сам возмутитель спокойствия. С пронзительными воплями мальчуган бежал именно к нему, русскому офицеру, чем немало удивил подпоручика. Взмолванный Невмержицкий спустился с крыльца и сделал несколько шагов навстречу пацану. Тот, запыхавшись от быстрого бега, пытался ему что-то объяснить, затем ухватил подпоручика за рукав и потащил за собой. Офицер, сообразив, что случилась беда, быстро вскочил на коня и уже на скаку подхватил мальчишку к себе в седло.

Ехать долго не пришлось – здесь всё было рядом. Сначала Невмержицкий увидел окровавленный труп солдата, который лежал на брусчатке, но, поняв, что мальчик показывает в сторону домика с распахнутыми дверями, сообразил, что главная беда случилась именно там, и промчался мимо тела погибшего. Возле дома он спешился и, не дрогнув под ненавидящими взглядами расступившихся горожан, вошёл внутрь.

На пороге комнаты, скрючившись в луже крови, лежал священник местного прихода и, похоже, умер он в страшных муках от глубокой раны в животе. Подпоручик оглядел комнату. Всё было в порядке, если не считать валявшуюся на полу статуэтку Божьей Матери. На ограбление это не было похоже. Офицер снял головной убор, переложил его в левую руку и склонил голову. Осматривать тело он не стал и через минуту вышел во двор. На ходу, обратившись к собравшимся горожанам, коротко произнес по-французски: «Простите, мне очень жаль» Более пространное извинения поручик оставил для командира полка. Больше он ничего сделать не мог.

Взял коня под уздцы и быстро двинулся обратно, чтобы осмотреть труп солдата и доложить полковому командиру о случившейся беде. Это уже было его обязанностью.

Мёртвый солдат лежал ничком, поджав одну ногу под себя и выбросив вперёд руку. Невмержицкий присел на корточки и заглянул ему в лицо. Офицер тут же узнал рядового Пересыпкина. В животе у того торчал его же солдатский штык, загнанный по самую рукоять. Взгляд подпоручика упал на руку погибшего. В мёртвом кулаке был зажат скомканный платок. С трудом подпоручик высвободил тряпицу и развернул её. На ладони у Невмержицкого лежала серебряная брошь в виде головы льва, в пасти которого зловеще сверкнул кровавого цвета камень.

Убил ли кто солдата Михея Пересыпкина, или он сам, поскользнувшись, напоролся на собственный штык, осталось тайной навсегда...

Глава 4. Путешествие в иную реальность или сон?

Томск. 199* год

Яркое солнце с трудом пробивалось сквозь плотные шторы в спальне Сергеевых. Михаил открыл глаза и некоторое время смотрел в глянцево натяжной потолок, плохо отражавший его долговязую фигуру, прикрытую красным атласным покрывалом..

Первый день отпуска почти всегда создаёт иллюзию бесконечности отдыха, и молодой человек сейчас ощущал это в полной мере. Сергеев блаженно улыбнулся, прикрыл глаза, затем повернулся на бок и попытался вновь погрузиться в сон. Но уснуть не получилось.

Михаил раздражённо сбросил с себя ногами покрывало на пол и с трудом сел на кровати. Голова от духоты гудела, как церковный колокол, по которому сильно ударили тяжелой кувалдой. Молодому человеку захотелось вновь рухнуть на постель, но он передумал, поднялся и, шаркая ногами по полу, как старый пень, направился в комнату, которая считалась его рабочим кабинетом. Там он удобно устроился в офисном кресле и как в зеркало, уставился в тёмный монитор. Посидев так немного, достал ежедневник, лениво полистал его и убрал в стол. Окно комнаты выходило на северную сторону, поэтому здесь всегда царили полумрак и прохлада, но сегодня Сергееву было душно даже здесь. Он с распахнул створку пластикового окна и наслаждением подставил лицо под свежий утренний ветерок. Правда, для этого пришлось немного отодвинуть в сторону клетку с рыженьким хомячком, который забавно обхватив ручками-лапками кусочек морковки, аппетитно завтракал.

Сергеев не терпел живности в квартире, а жена вначале совместной жизни настаивала на собаке, после категоричного отказа согласилась на кошку, и в результате в доме появился рыженький хомячок, который неожиданно стал общим любимцем. Несколько минут Михаил понаблюдал за животным, а затем поплёлся в ванную комнату.

Прохладные струи воды взбудрили молодого человека. Он вдруг вспомнил вчерашний разговор с Софьей Михайловной и её странное гадание. Михаилу подумалось, что и без карт гадалка могла бы сказать ему те же слова. Такой вывод неожиданно пришёл молодому человеку в голову и встревожил его. Память (или фантазия?) услужливо подсказала Михаилу новые, как теперь ему казалось, пугающие подробности и детали разговора. Он тут же выключил воду и принялся энергично растираться мягким махровым полотенцем, решив как можно скорее навестить гадалку.

В квартире аппетитно пахло яичницей и свежеприготовленным кофе. Поглощенный своими тягостными мыслями Сергеев сел за стол, и уставившись в тарелку с пищей, принялся чертить на полированном стекле кухонного стола замысловатые фигуры. Жена помахала рукой у него перед глазами и весело произнесла:

– Аллё, сегодня у нас английский завтрак: яичница с беконом. Или не нравится?

– Нравится, – задумчиво протянул Михаил и равнодушно принялся поглощать еду. Прохладный душ, свежий воздух, чашка ароматного кофе вернули молодому человеку бодрость и развеяли мрачные мысли. Он резко встал и решительно двинулся в свой кабинет. Светлана, почувствовав смену настроения мужа, пошла следом за ним. Не обращая внимания на жену, Сергеев начал быстро одеваться. Супруга стояла, прислонившись к дверному косяку и молча наблюдала за ним.

– Что смотришь? – не выдержал Михаил.

– Ты за билетами?

– За какими билетами? – не сообразил Сергеев.

– Ну, мы ведь в отпуск... – робко напомнила жена.

– Нет, – отрезал супруг. – Отпуск отменяется.

Светлана удивлённо и жалобно посмотрела на него, но молодой человек по-прежнему не обращая никакого внимания на расстроенную жену, резко бросил:

– Позвони и отмени заказ билетов.

Он пока не хотел совсем отказываться от поездки на Чёрное море, но против своей воли, всё-таки озвучил жене это огорчительное известие. На короткое мгновение стало совестно, и он добавил: – Хотя не надо. Я сам потом... – небрежно расчесал волосы и пошёл в прихожую.

– Ты скоро вернёшься? – вслед ему робко спросила Светлана, но ответа от мужа не последовало. Входная дверь захлопнулась за ним.

В этот выходной день на проспекте было довольно оживленно, поэтому Михаилу пришлось идти к переходу, чтобы пересечь дорогу. На противоположной стороне проспекта он вдруг увидел Софью Михайловну, которая, к его удивлению, несмотря на начало дня, уже собиралась уходить.

Вещи её были собраны. Она сидела на маленькой табуретке и оживленно беседовала со своей соседкой. Торговля семечками вряд ли была для Софьи Михайловны средством заработка, скорее, давало возможность общаться с людьми. Увидев молодого человека, она обрадовалась, поприветствовала его грациозным жестом руки и воскликнула:

– Добрый день, сударь! Я очень рада вас видеть. Вот вы и отвезёте меня домой! Ведь так? Не откажете, нет?

– Конечно отвезу! – Сергеев искренне обрадовался такому повороту событий. Теперь ему не надо было придумывать, повод, чтобы вновь оказаться в гостях у загадочной женщины. – Может я прямо сюда машину подгоню? – добавил он.

– Нет-нет. Ни в коем случае. Здесь ведь нельзя машину парковать. Нам неприятности ни к чему, – решительно возразила Софья Михайловна.

Через десять минут джип Сергеева, нарушая правила дорожного движения, выехал на проспект Фрунзе. Спутница Михаила только сердито поморщилась, явно не одобряя опасную манеру вождения молодого человека. Затем Сергеев, в свойственной агрессивной манере, начал переставаться во второй ряд, но тут женщина высокомерным тоном, словно, отдавая распоряжение извозчику, приказала. – Нет, пожалуйста, прямо! Молодой человек удивленно покосился на пассажирку. Такой надменной и барственной он её не видел ни разу, но в этот момент она весело заулыбалась, и Михаил понял, что его разыграли и весело расхохотался.

– Зря Вы веселитесь, молодой человек. Такие опасные манёвры принесут Вам ещё много неприятностей, – строго одёрнула его женщина.

– Разве мы её к Вам домой едем?

– Совсем нет. Я покажу дорогу, – Софья Михайловна внимательно посмотрела на него. – Но это будет чудесное времяпрепровождение, – Направо, здесь направо, за светофором, – уточнила она. Проехав ещё пару сотен метров, Сергеев, опять же по её просьбе, еще раз свернул направо и остановился рядом у небольшого скверика. Хотя он располагался почти в центре города, вокруг было тихо и безлюдно. Небольшие деревца, несколько скамеек и церковь через дорогу при полном отсутствии проезжающего автотранспорта делали этот уголок уютным и уединенным. Сергеев прекрасно знал этот маленький парк, но бывал здесь редко. Молодой человек вопросительно посмотрел на спутницу.

В этот момент похоронным маршем дала о себе знать телефонная трубка. Именно эта мелодия Шопена была запрограммирована на звонок из офиса. Михаил услышал в трубке голос главного бухгалтера и недовольно спросил: «Что надо?» Из сбивчивого рассказа сотрудницы Сергеев понял, что в офис звонил деловой партнёр и настойчиво просил об отсрочке долга. Якобы, он сейчас не может вернуть деньги, а задержка платежа грозила ему банкротством из-за высоких штрафных санкций, предусмотренных договором. Это было правдой, и Михаил об этом знал, но жалости или сочувствия к должнику не испытывал. Только для того, чтобы отвязаться от неприятного разговора, он распорядился позвонить ему через неделю, что под-

разумевало отсрочку на тот же срок. Устный ответ ни к чему не обязывал Сергеева, просто он еще не решил, как поступить с просителем в дальнейшем, Михаил ещё не решил. Однако склонялся к тому, чтобы рассрочек больше не давать и требовать деньги к возврату как можно быстрее. Это был его принцип – слабым в бизнесе не место. Пока он разговаривал по телефону, Софья Михайловна вышла из автомобиля и расположиться на ближайшей скамейке. Когда Михаил подошёл, она жестом пригласила его сесть рядом и негромко сказала:

– Миша, давайте посидим немного. Я передохну, а затем мне надо будет сходить в церковь, – и после некоторой паузы продолжила. – Помните, я вас спросила, веруете ли вы в Бога? Тогда вы меня очень подкупили своим ответом.

– Но я же ничего, кажется, не ответил? – удивился Сергеев, убирая в карман предусмотрительно отключенный сотовый телефон.

– О, вы не правы, ещё как ответили. Да, вы промолчали, это так, но молчание получилось очень красноречивым. Впрочем, мой вопрос был достаточно бестактен. Обычно люди отвечают «да» или «нет», исходя отнюдь не из своих убеждений, а из предполагаемого мировоззрения собеседника. К сожалению, люди так устроены, что стремятся говорить то, чего от них ожидают услышать. Вы заметили, что в большинстве бесед речь идёт о бытовых малозначущих вещах, да и то всё сводится к взаимному поддакиванию...? – спросила женщина и замолчала, ожидая ответа.

– Софья Михайловна, извините, что перебиваю, но вы так говорите, будто вы как минимум доктор философии, – полушутливо произнёс Михаил.

– Милейший, моя философия – это моя жизнь, а научная степень – прожитые годы. Я подумала, если у вас, Мишенька, есть характер, значит ещё не всё потеряно. Вы не стали ничего выдумывать, стараясь мне угодить, как зачастую делают люди, не знающие что сказать, – не обращая внимания на несерьёзный тон молодого человека, строгим голосом промолвила женщина. Михаил непонимающе посмотрел на собеседницу, а Софья Михайловна, поймав его удивлённый взгляд, произнесла ещё более загадочную фразу:

– Только ваш твёрдый характер достоин лучшего применения. А вот удивляться не стоит, рано ещё удивляться, не наступило ещё для этого время...

– Что вы имеете ввиду? – Молодой человек с интересом разглядывал прихожан, которые начали выходить из церкви после окончания службы. Громко затрезвонили колокола, оглашая округу бодрыми мелодичными звуками

– Миша, вы слышали, что-нибудь про Сад Камней? – Софья Михайловна пристально посмотрела Михаилу в глаза.

– Ну, что-то вроде... – неуверенно промямлил Сергеев, а Софья Михайловна, игнорируя его невнятное мычание, продолжила:

– Это величайшее послание Бога человечеству, сотворённое руками буддийского монаха Соами, находится в монастыре в Японии и представляет собой всего лишь небольшую земляную площадку с расположенными на ней пятнадцатью камнями. Но в этом-то как раз и заключается секрет. Камни расположены таким образом, что с любого ракурса и под любым углом зрения можно увидеть только четырнадцать камней – один всегда не виден. Более пятисот лет величайшие умы пытаются разгадать тайну послания. Для одних – это символ безграничности познания. как бы ни были глубоки знания, всегда есть нечто, чего мы ещё не знаем. Для других это стимул для самосозерцания. Для меня это не что иное, как одно из свидетельств существования Творца. Один из камней всегда не виден – но ведь он есть! Если мы чего-то не видим, то это не означает, что этого не существует, не так ли? Ведь, если мы, например...

Улица вдруг стала наполняться фиолетовым туманом, который с каждой секундой становился всё гуще и гуще. Деревца медленно таяли, отрываясь от земли, трава приобретала синеватый оттенок, а затем она и вовсе утонула в лиловой мгле. Ровная речь Софьи Михайловны

вязла в тумане, как в вате, и уже была едва слышна, а ещё через несколько секунд голос её окончательно пропал.

Михаил помахал перед лицом рукой, пытаясь разогнать туман, чтобы убедиться в том, что его собеседница, которую уже не было видно, находится рядом. Попытка удалась, но в образовавшемся просвете он увидел... себя стоящим за спиной буддийского монаха. Тот сидел в позе лотоса с закрытыми глазами, и губы его почти беззвучно шевелились. Однако, несмотря на то, что он шептал на чужом языке, Михаил всё понимал, а по обрывкам фраз сообразил, что тот молиться.

Внезапно монах очнулся, открыл глаза, и стал осматриваться вокруг, словно пытаясь что-то увидеть. Судя по тому, как его отрешённый взгляд прошёл сквозь Сергеева, молодой человек понял, что монах его не видит. Михаил ощупал себя руками. Всё было в порядке. Во всяком случае, для самого себя он был вполне осязаем и материален. Монах подхватил полы своих багряных одежд, поднялся и принялся ходить туда и обратно, торопливо собирая с земли камешки покрупнее. Михаил инстинктивно сделал шаг назад, чтобы не помешать незнакомцу, когда тот ступил в его сторону, но это оказалось излишним. Монах прошёл сквозь него. Молодой человек окончательно понял, что его не существует ни для монаха, ни для того времени и местности, в которых он сейчас находился. Монах тем временем поднял камешек из-под ноги Михаила. Буддист продолжал шепотом творить молитву, просил Создателя вразумить его, но в чём Михаилу не было слышно.

Монах собрал горсть камней, вернулся к тому месту, где сидел несколько минут назад, присел на корточки и начал расчищать и рыхлить землю перед собой. Он освободил небольшую площадку, и как ребёнок в песочнице, стал прилежно ровнять её ладонками. Закончив, хотел было вытереть испачканные руки о себя, но передумал и, не найдя для этой цели ничего подходящего, всё-таки вытер руки о край одежды с изнанки. Потом встал, отряхнув подол, тщательно смахнул крошки земли с одежды и опять присел.

Все это монах совершал с отсутствующим взглядом, как будто не отдавая отчета своим действиям. Усевшись на пятки, постепенно повышая тон и монотонно раскачиваясь, монах продолжил молиться с ещё большим усердием. Его голос звучал всё громче и громче. Внезапно на самой высокой ноте молитва прервалась, монах резко вдохнул и напряженно с шумом медленно выдохнул, после чего ещё несколько мгновений продолжал раскачиваться из стороны в сторону в полной тишине. Затем вдруг замер и потом точными уверенными движениями – как фигурки на шахматной доске – расставил все камешки на земле. Каждый на своё место, в строго определённом порядке.

В этот момент Михаил физически почувствовал, как невидимая, но плотная энергия, подобно ветру, чуть не сбила его с ног, и ему пришлось приложить усилие, чтобы противостоять этому горячему потоку.

Молодой человек на мгновение зажмурил глаза, а когда вновь открыл их, то увидел монаха ползающим вокруг своего творения. Незнакомец прижимался щекой к земле и, прищурив один глаз, разглядывал комбинацию камней с разных сторон, уже ничуть не заботясь о чистоте своих одежд. Только сейчас Михаил понял, что он увидел создание Сада Камней, вернее, его макета. А ползающий монах, есть не кто иной, как Соама. Пока Сергеев обдумывал свою догадку, Соама вскочил, сбросил с себя накидку, взмахнул ею и бережно накрыл своё творение. В это же мгновение свет померк, как если бы монах накрыл сейчас не только своё творение, но и весь этот райский уголок природы, в котором они сейчас пребывали...

.....

Постепенно полный мрак начал приобретать темно-синий оттенок, и даже стали видны очертания крон невысоких деревьев. Михаил не сразу сообразил, что находится уже в другом месте, и понял это лишь по приторному аромату цветов, внезапно пахнувшего на него. Тотчас он разглядел яркие звезды на тёмном небосклоне и услышал стрёкот ночных цикад. Сергеев

замер на несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте и затем сделал несколько осторожных шагов вперёд.

Глядя перед собой во мрак ночи, он не заметил стоящего перед ним дерева и лишь в последний момент, чтоб не удариться о кряжистый ствол, вытянул вперёд руки, но было уже поздно. Однако удара не последовало: Сергеев просто прошёл сквозь дерево. «Мираж что ли?» – подумал Михаил, но потом сообразил, что мир был материальным, это он по-прежнему оставался неосязаемым и невидимым. На всякий случай предварительно махнув перед собой руками и не ощутив при этом ни малейшего сопротивления, Сергеев легко прошёл сквозь кустарник и замер.

Постепенно страх и удивление исчезли. Михаил привык к своему состоянию и уже спокойно огляделся вокруг. Поблизости мерцало слабое зарево небольшого костра. Хотя Сергеев и был уверен в том, что невидим, но всё-таки остался стоять за кустом, чтобы принялся наблюдать за происходящим из-за укрытия.

Вокруг костра сидело несколько человек, и они, по всей видимости, дремали. Михаил, осторожно ступая по жухлой траве, обошёл костер и углубился в темноту. Вдруг он услышал иступлённый шепот: «...Авва, Отче! Всё возможно Тебе: пронеси чашу сию мимо Меня, но не чего Я хочу, а чего Ты». Сергеев вспомнил, что где-то он уже слышал подобное и подумал: «Кажется у Пастернака, тьфу... блин, причём тут Пастернак⁴? Куда я попал на этот раз?»

То, что он сейчас увидел, показалось знакомым. Внутри похолодело от страшной догадки, но любопытство всё же взяло верх. Михаил сделал ещё пару шагов вперёд и увидел коленопреклонённого человека. Тишина ночного благолепия была нарушена бряцаньем оружия и шагами приближающихся людей. Между кустов замелькали огоньки факелов. Незнакомец поднялся с колен и, вытирая с лица слёзы и кровь рукавом хитона, направился к костру. Люди возле пылающего огня проснулись только после того, как он подошёл к ним вплотную. Лишь сейчас Михаил разглядел озарённое пламенем лицо человека и не поверил своим глазам... Это был Иисус Христос! Всё вдруг стало ясно. Внезапно Михаил, не искушенный в религии и ни разу, не державший Библию в руках, понял, что сейчас произойдёт. Услышав, что к ним подходят не знакомые люди, спутники Христа вскочили со своих места и растерянно смотрели на приближающуюся толпу. Один из учеников Иисуса взялся за рукоять короткого меча. Сергеев теперь стоял между пришедшими людьми и Христом. Михаил поочерёдно смотрел то на тех, то на других ожидая напряженно развития событий.

Стражники, а судя по вооружению и доспехам, это были именно они, подняли факелы повыше. Печальные глаза Бога излучали доброту и тепло. Михаил, желая защитить его невольно сделал шаг и тут же остановился потрясённый – по взгляду Иисуса он понял, что Христос его видит! В голове Сергеева (потому что тишина не была нарушена ничем) прозвучал спокойный голос: «Не надо ничего делать, я тоже всё знаю!»

Михаил замер. Солдаты расступились, а из чёрной глубины вышел смуглый человек с бородкой. Произнеся: «Раввуни, Раввуни», он благоговейно поцеловал Христа. В этот момент вновь горячий поток энергии заставил Михаила отступить на несколько шагов. Факелы в руках солдат разом погасли, и тяжелый мрак упал на Гефсиманский сад. Стало холодно. В меркнувшем свете Сергеев успел увидеть, как один из спутников Христа вновь попытался выхватить меч, но Иисус мягко положив руку на эфес, воспрепятствовал этому. Его слова: «Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал мне Отец?» гулким эхом прозвучали уже в полной темноте.

.....

Тяжёлая темнота уходила постепенно, словно нехотя отступая под натиском холодного рассвета, и у Михаила было несколько минут, чтобы осознать своё положение в ином месте и времени. И всё-таки без сюрприза опять не обошлось. Он обнаружил себя одетым в оранжевую тогу и просторные шаровары. Ноги были обуты в мягкие тапочки. Сам он находился среди

буддийских монахов. Михаил попытался определить собственную внешность и провёл рукой по затылку. Так и есть, голова была такой же наголо бритой, как и у всех окружающих его людей. Сергеев сделал справедливый вывод, что внешностью среди них он не выделялся. На этот раз молодой человек был вполне материален и для себя, и для других.

Монахи, сидя на крутом косогоре, дружно молились в ожидании восхода солнца, и их голоса сливались в один мерный вибрирующий гул. Склон холма, на котором они находились, был покрыт невысоким кустарником, клочками растущим до самой вершины. Вдалеке сквозь сырой утренний туман можно было разглядеть снежные вершины, как на полотнах Рериха. Михаил едва заметно стал поворачивать голову влево и вправо, наблюдая за окружающими людьми из-под полуприкрытых век. Внезапно он поймал себя на мысли, что тоже молится на незнакомом, но понятном ему языке.

В центре сидящих монахов стоял небольшой золотисто – красный паланкин, украшенный резными изображениями Будды. Опущенные тяжёлые занавеси скрывали от посторонних глаз бесценный груз. Десять человек, вооружённых саями⁵, стояли вокруг паланкина. Очевидно, это были охранники. Впрочем, любой из тех, кто находился, здесь не задумываясь броситься бы на защиту паланкина в случае малейшей опасности. Михаил и в себе чувствовал эту такую решимость.

С первым лучом солнца молитвенный рефрен смолк. Один из монахов поднялся и подошёл к паланкину. Он аккуратно и бережно поднял со всех сторон багряную ткань. Сергеев увидел, что внутри роскошные носилки были выложены множеством атласных подушек. На самой маленькой из них стояла шестиугольная шкатулка, которая напоминала мини-пагоду. Богато украшенная яшмой и кроваво-красными рубинами, она служила хранилищем реликвии. Сделав её доступной лучам солнца и взорам людей, старший монах расположился впереди всех. По взмаху его руки все встали, а четверо крепких мужчин подняли паланкин. Остальные хранители, сомкнув строй по обе стороны носилок, прикрыли шкатулку своими телами. Процессия медленно двинулась по крутому склону вверх, к самой вершине.

Шагали, молча и не зная усталости. Михаил тоже чувствовал себя крепким и выносливым, удивляясь собственной энергии. Только теперь во время ходьбы у него появилась возможность разглядеть своё одеяние более детально. Выцветшая оранжевая тога, поношенные тапочки, говорили о том, что путь им был проделан немалый.

Пока Михаил, медленно шагая, разглядывал тщательно заштопанные прорехи на своих штанах, колонна достигла вершины холма. Внизу расстилалась обширная долина, разделённая надвое стремительным горным ручьём, который служил границей между живой и мёртвой природой, а открывшаяся взору местность символизировала сопредельность жизни и смерти. Та её половина, на которой теперь находилась процессия, была покрыта обильной зеленью, густым кустарником, фруктовыми деревьями и необычайной красоты цветами; другая часть долины, по ту сторону ручья, являлась образом смерти. Она была безжизненно и мертво. Только камни и песок. На могучей скалистой горе, возвышавшейся напротив, не было ни единого клочка зелени. Почти отвесная у подножия, она была изрыта входами в пещеры, которые издавна напоминали ласточкины гнёзда. Вдоль каменной стены в нишах располагались огромные изваяния Будды, вырубленные из монолита скалы, общим числом не менее десятка. Кроме ручья, долина разделялась ещё и невысоким ограждением, сложенным из камней, очевидно, добытых здесь же.

Сергееву оставалась неизвестна природа своего знания, но он не сомневался в том, что это был пещерный буддийский монастырь, в который допускались лишь особо просветлённые монахи. К ним в настоящий момент относился и сам Михаил, занимая в составе процессии одно из почётных положений. По едва заметным признакам – уважительным жестам, почти-тельными взглядам – он давно понял, что ему отводится особая роль.

Как это часто бывает в горах, уже видимая цель путешествия оказалась гораздо дальше, чем это могло показаться на первый взгляд, и последний отрезок пути занял почти целый день. Все устали. Носильщики паланкина стали чаще сменяться, монахи прерывали чтение мантр, чтобы отдышаться, но никто не останавливался – все спешили добраться до цели путешествия засветло.

Преодолев ручей, шествие замедлило ход, а вибрирующий звук молитвы усилился. Процессия поднялась по каменным ступеням, вырубленным в скале, и остановилась перед главной пещерой. Вход в неё отличался от остальных надписью, полукругом нависавшей над проёмом, которая гласила: «Путей много – Бог один».

Хамбо Лама подошёл к Михаилу, чуть склонился, выражая своё почтение, и произнёс:

– Любой путь на этой земле имеет своё завершение, подошёл к концу и наш. Завтра с первыми лучами солнца ты должен будешь принять под своё покровительство эту реликвию и хранить её до тех пор, пока Великий Будда не пожелает иного. Тайна магической силы реликвии тебе станет известна во время обряда посвящения в хранители шкатулки. Возможно, исполнять это нелёгкое послушание придётся очень долго, и ты устанешь жить, но в этом твоё нелёгкое предназначение. Ты готов?

Михаил в знак согласия покорно склонил голову, а Лама продолжил: – Тогда пройдем внутрь, я покажу её тебе.

Подчиняясь едва заметному жесту Хамбо Ламы, два носильщика подняли паланкин и растворились во мраке пещеры. Остальные монахи остались снаружи, сели полукругом перед входом и замерли в ожидании.

Воздух внутри храма был свеж и благоухал ароматами. Носильщики бережно опустили священную ношу на землю и незаметно исчезли. «Что я тут смогу увидеть, в этой темноте», – подумал Сергеев, но мрак ничуть не смущал Хамбо Ламу, который указал Михаилу место по одну сторону паланкина, а сам сел по другую. Лама положил руки на крышку шкатулки и на мгновение замер, как бы давая будущему хранителю время осознать величие момента, а затем торжественно открыл её.

На атласной подушечке лежало магической красоты украшение в виде головы льва. В его пасти виднелся крупный камень рубинового цвета, глаза сверкали бриллиантами чистой воды. Эту необычайную картину Михаил наблюдал лишь несколько секунд. Реликвия вдруг вспыхнула таким ярким светом, что он, ослеплённый, зажмурил глаза и прикрыл лицо ладонями.

.....

Скользящим движением рук Михаил опустил ладони вниз и наклонился вперёд. Затем поднялся, открыл глаза и увидел себя молящимся среди таких же, как и он сам, мусульман. Фигура человека в белой чалме, стоящего на вершине узорчатого минарета излучала яркий свет. Эта ослепительная картина, которая возникла перед глазами Сергеева, вдруг задрожала, как мираж, и растаяла в воздухе.

Затем, как в калейдоскопе, видения стали мелькать одно за другим почти мгновенно. Михаил то видел себя входящим на эшафот, то, не успев испытать страх смерти, уже оказывался среди тысяч людей, бредущих по пустыне, но, не успев ощутить усталость и жажду, переносился в глухой монастырь среди заснеженных вершин Гималаев. Сергеев успевал не только запомнить детали каждого местопребывания, но и впитать в себя всю глубину смысла всех событий, участником которых он становился. Постепенно сменяющиеся картины начали мелькать всё быстрее и быстрее, становясь при этом более расплывчатыми, теряя чёткость, и наконец слились в сплошную полосу... Михаил балансировал на грани видений и реальности, уже не отличая одно от другого...

Глава 5. Сибирский старец.

г. Томск, начало 19 века

Суровая и снежная зима в далёкий сибирский город приходила всегда рано, покровительствуя вечерним сумеркам, которые вступали в силу уже к четырём часам пополудни. Вечера казались невыносимо долгими и тоскливыми, занесённые сугробами избы – мёртвыми, и только тусклые огоньки в окнах да белые столбы дыма над крышами говорили о том, что там ещё теплится жизнь. Даже добротные двухэтажные купеческие дома утратили свою торжественность. Их тонкие деревянные узоры сливались в серую, едва различимую, полосу, теряя свою лёгкость и привлекательность. Мороз, оставшись почти в одиночестве на заметённых снегом улочках города, крепчал, прихватывал редких прохожих за уши и подгонял заиндевеливших лошадей, запряженных в сани.

Особняк купца Семёна Феофановича Хромова на углу Монастырской и Нечаевской отличался от многих других домов на этой улице единственно тем, что только возле его ворот было всегдалюдно. Даже сейчас в сильный мороз там стояли розвальни в ожидании своих владельцев. Но приехавшие не были гостями купца Хромова. Они искали встречи со старцем Феофором, который ютился в маленьком флигельке во дворе дома, а в просторной гостиной хромовского дома посетители лишь коротали время в ожидании беседы с мудрым наставником. Лето Феофор проводил в тесной келье, располагавшейся тоже в подворье купца, но в деревне Хромовка в трёх верстах от Томска, а зимой – здесь на Монастырской улице.

Старец Феофор появился в Томске совсем недавно. Прежде он останавливался и в деревнях Ачинского уезда, и в Пермской губернии, выбирая для жития, по возможности, уединённые места. Его более раннее прошлое терялось во времени, и никто ничего о нём не слышал. А началось оно в начале осени 1836 года близ города Красноуфимска Пермской губернии был задержан неизвестный, проезжавший на телеге. Он отличался необычной внешностью и необычным поведением. Облачённый в грубую крестьянскую одежду, человек имел изысканные манеры, чем вызывал подозрения у крестьян. На все вопросы отвечал неохотно и уклончиво, удостоверяющих личность документов при себе не имел. При допросе в полиции он назвался Феофором Кузьмичом, семидесяти лет, неграмотным и не помнящим родства, православного исповедания. На суде, несмотря на крайне сочувственное отношение к нему судей, он продолжал называть себя бродягой, и в результате был приговорён к двадцати ударам плетью и поселению в Сибирь.

Приговором Феофор Козьмич остался доволен, и по этапу был отправлен в Томскую губернию, где проживал сначала в деревне Зерцалы, а затем в станице Белоярской, селе Краснореченском, пока, наконец, не поселился в Томске по настоятельной просьбе купца Хромова.

Одет Феофор был всегда в белую рубаху до пят, подпоясанную веревкой и светлые шаровары, и лишь изредка накидывал на плечи чёрный халатик, а зимой – старую полинявшую собачью доху мехом наружу. На ногах носил – длинные (зимой – шерстяные) чулки и простые кожаные туфли. Но никакая одежда простолюдина не могла скрыть царственной осанки и величавой внешности Феофора.

Старец был высок, статен и широк в плечах. Голубые глаза, кудрявые волосы, борода длинная и абсолютно седая. Силы были необычайной, несмотря на преклонный возраст, вдвоём с отшельником Даниилом они таскали большие двенадцативершковые брёвна. В быту Феофор был очень аккуратен. Никто не видел, чтобы он умывался, но лицо его оставалось всегда чистым и светлым. Поступь старца, речь и манеры поведения выдавали в нём человека образованного и благовоспитанного. Говорил он тихо, но внушительно и образно. Всё это позволяло предполагать высокое происхождение в Феофоре Кузьмиче, хотя он и старался соблюдать простоту речи и поведения.

По обыкновению старец сидел на деревянном, обитом лишь грубым холстом топчане, который служил ему постелью, а в головах вместо подушки лежал гладко оструганный чурбан.

Передний угол комнатки был увешан иконами, стены заняты картинами, подаренными посетителями, с изображением святых мест.

Феодор Кузьмич всегда с радостью принимал подарки, особенно еду, и тут же раздавал их страждущим. Иногда ему дарили картины с изображением храмов – их он оставлял себе. Несмотря на то, что старец не имел ароматических веществ, в келье стояло постоянно ощущаемое необыкновенное благоухание.

Дверь тихонько отворилась, и вошёл пожилой монах. На голове его красовалась старенькая скуфья, а выдавшая виды ряса и изношенные чуни говорили о том, что он проделал неблизкий путь. Увидев его, старец поднялся и, троекратно облобызавшись с гостем, обрадованно произнёс: «Ну, здравствуй, брат Иоанн». И гость, и хозяин кельи были знакомы, но не только потому, что старец назвал монаха по имени.

Не раз случалось так, что Феодор Козьмич здоровался по имени и с теми, кого не знал и не видел ранее ни разу. Привечал он любого, страждущего душевного утешения, человека. Лишь однажды, когда его посетил незнакомый ссыльный, Феодор Козьмич встал и сказал: «Иди, иди отсюда».

Бродяга изумился. Изумились и все находящиеся в этот момент в келье, а старец вновь повторил: «Уходи, уходи. У тебя руки в крови, грех свой чужому отдал».

Испуганный ссыльный тотчас же пошёл к начальству и написал повинную, что он не тот, за кого себя выдавал, присвоив имя осужденного за бродяжничество, а сам он промышлял разбоем, и на его совести тяжким грузом висело до десятка убийств. Это был не единственный случай прозорливости Феодора Козьмича. С тех пор к старцу приходили только те, кому нечего было таить.

Старец усадил гостя на скамью, а сам расположился было на топчане, но тут же спохватился, взял с этажерки, накрытую полотенцем миску и поставил её на стол. Миска была полна пирожков. Сам старец питался очень скудно: обед его обыкновенно состоял из хлеба или сухарей, размоченных в воде, и кипятка. А шаньги или пирожки Феодор Козьмич хранил только, как он выражался: «для гостей». Пока монах, отогреваясь с мороза, располагался, старец вышел и спустя несколько минут вернулся с горячим чайником в руках.

Чаёвничая, монах пытался что-то сообщить Феодору Козьмичу, но тот всякий раз останавливал его: – Кушай, кушай. Успеешь ещё рассказать, – и грустно улыбался. Всегда приветливый и доброжелательный, старец привечал всех гостей равно, не различая их по чинам и званиям, говоря: «И царь, и полководцы, и архиереи – такие же люди, как и мы. Только одних Богу угодно было наделить властью великой, других жить под их постоянным покровительством».

Вёл он себя сдержанно и трезво, без фамильярности. С незнакомыми людьми разговаривал всегда стоя или расхаживая по комнатке. Одну руку держал, засунув за пояс, а другую положив на грудь. Если же он хотел выразить своё расположение или благословить, то лишь трепал мягко по щеке. Делал это обычно с детьми и женщинами. Редко троекратно лобызался с людьми старыми, а остальным же только кланялся. Не любил знаков внимания и почтения к священному сану. Не любил, когда ему целовали руки, и никого по-иерейски не благословлял. Всякие советы давал безвозмездно, денег ни у кого не брал и не имел их вообще. Обладая добросердечным характером и состраданием, когда проживал в деревне Зерцалы, каждую субботу выходил за околицу на большой сибирский тракт, встречал там партию арестованных и щедро раздавал милостыню, употребляя на это всё, что ему приносили почитатели.

Монах закончил трапезу, встал со скамьи и попытался поклониться в пояс старцу в знак благодарности за угощение, но тут же был усажен им на место: «А вот теперь, брате, рассказывай». Только монах вознамерился рассказать свою историю, как вошёл Хромов и произнес:

– Не помешаю, если с вами почаёвничаю?

– Как же ты мне в твоём доме помешать можешь? Конечно, садись, – улыбнулся Феодор Кузьмич и лукаво поглядел на монаха, который уже изнывал от нетерпения поведать свой рассказ.

Хромов степенно, как подобает важному купцу, и не торопясь, налил себе чаю, взял из миски пирог, но есть не стал, а положил его рядом со стаканом. Не стал пить он и чай. Помолчал и сказал, обращаясь сразу к обоим собеседникам:

– А вот покорнейше удивляюсь я вам: ради веры такие подвиги совершаете, ущемляете себя во всём, пешими половину России исходили. Тяжко ведь так?

Феодор Козьмич продолжал, молча улыбаться, а монах ответил:

– Так ведь духу оно не в тягость, а в радость. Кого к сытости тянет, кого к богатству, кого, прости Господи, к смертоубийству, а кого и к покаянию. Феодор Козьмич, например, за нас за всех молится. Вот это тяжкий труд: подвиг служения и Богу, и человеку, чтобы, выявив его силы, направить его путем божественного о нём промысления.

Слова монаха прозвучали как завуалированная похвала старцу, поэтому Хромов, зная, что Феодор Козьмич не любит подобного рода проявлений или выражений особого почитания, постарался сгладить неловкость. – Вот и Феодор Козьмич у нас, я чаю, ого-го какое положение занимал, но не пожелала его душа сытости-то. Не тяготит ли теперь тебя эдакая жизнь, полная лишений?

Старец, вдруг сделавшись очень серьезным, ответил:

– Отчего вы думаете, что моё положение теперь хуже, чем, когда-то прежде? Ныне я независим, а главное – покоен. Прежде моё спокойствие и счастье зависело от множества условий: нужно было заботиться, чтобы мои близкие пользовались таким же счастьем, как и я, чтобы мои друзья меня не обманывали, не предавали. Теперь ничего этого нет. Кроме того, что всегда останется при мне – Слова Бога моего, любви к Спасителю и ближним. Теперь у меня нет никакого горя и разочарований, потому что я не завишу ни от чего земного, ни от чего, что не находится в моей власти. Вы не понимаете, какое счастье в этой свободе духа, в этой неземной радости. Если бы вы вновь вернули меня в прежнее положение и вновь сделали бы меня хранителем земного богатства, тленного и теперь мне вовсе не нужного, тогда бы я был несчастным человеком. Чем более наше тело изнежено и выхолено, тем наш дух становится слабей. Всякая роскошь расслабляет наше тело, а душа оскудевает.

Когда старец умолк, в келье воцарилась тишина. Настолько сильное впечатление произвели его слова на окружающих

– Кх, м-да, – неловко кашлянул Хромов, – а правда ли, отче, что вы получили благословение на сей подвиг аж в самой Москве?

– Что правда, то правда, Семён Феофанович, – неохотно признал старец. – Митрополит московский святитель Филарет благословил меня.

Несмотря на то, что старец жил в доме Семёна Феофановича, времени для общения с ним купец почти не имел, так как Феодор Козьмич был всегда занят со своими гостями, поэтому сейчас Хромов не преминул воспользоваться случаем потолковать с постояльцем, когда у него в гостях был лишь один монах.

– А может, ты и царя видел? – попытался поддержать беседу купец, задав простодушный вопрос старцу.

– Нет, панок, не видел, – равнодушно ответил Феодор Кузьмич, – а вот истории о нём слыхивал.

– Отче, не сочти за тягость рассказать нам людям тёмным и провинциальным что –нибудь, – без всякой иронии попросил Хромов.

– Ну что ж слушайте, – начал своё повествование старец. – Царь Александр I прозорлив был. Кутузова очень уважал и даже завидовал, что тот талантливый полководец. Когда француз подходил в Москве, Александр приложился к святым мощам преподобного Сергия Радонеж-

ского и услышал внутренний голос, который сказал ему: «Иди, Александр, дай полную волю Кутузову, и да поможет Бог изгнать француза из Москвы. Как фараон утонул в Чёрном море, так и французы в Березовой реке погрязнут». Так оно и вышло. А вот ещё, когда в России появилась в высших кругах мода на масонские ложи, Александр I собрал высокопоставленных особ на собрание, и все они изъявили желание вступить в ложу. Тут вошёл архимандрит Фотий и промолвил: «Да заградятся уста нечестивых». От этих слов собрание не смогло и слова сказать, так и разошлись молча, а ложа вскорости распалась. Благодатный муж был Фотий.

Подобно собранию высокопоставленных особ, Хромов и монах не могли слова вымолвить от удивления таким подробностям из жизни Александра I, которые поведал им сейчас старец, но спросить ни о чём так и не решились. Купец счёл за лучшее встать и, сославшись на дела в доме, покинуть келью старца. В сенях ему встретилась жена, которая, удивившись обескураженному виду мужа, остановила его: – Семён, я тут купила холст на рубаху для нашего старца, как ты и велел. Сам отдашь?

Хромов оперся о деревянные перила и произнёс:

– Погоди маленько, охолону на морозе. Ты приехала уже?

– А что случилось? Одначе ты не в себе? – удивилась жена, пряча руки в свёрток холста, как в муфточку. – Видишь, перед тобой стою, знать приехала.

– Феодор Козьмич такие байки рассказывает, так теперь и не знаю, что о нём думать, – озадачился Семён Феофанович, зажав в кулаке окладистую бороду.

– Да ты говори толком, что случилось-то? – крепче прижала к себе свёрток с холстом супруга.

– Ладно, потом расскажу. Айда, – махнул рукой Хромов и за локоть потянул жену обратно к дверям. Вновь войдя в келью, купец понял, что прервал монаха, который тут же недовольно умолк, однако выходить купец не стал и с порога неловко произнёс:

– Прости, отче, помешали мы, похоже, но вот жена холста тебе принесла на рубаху к рождеству.

Агафья протянула старцу сложенный холст, увидела, что он не торопится принять свёрток и робко положила его на край стола. Старец доброжелательно улыбнулся, погладил его и сказал:

– А ведь тебе было велено привезти тонкий холст, нужно было исполнить.

Женщина обомлела, обескураженно опустила на скамью и, переводя взгляд с холста на старца и обратно, не нашла, что ответить. Купец, силясь понять, что же произошло, нахмурился, а Феодор Козьмич выдержал достаточную паузу и промолвил: – Но для меня, бродяги, и этот слишком тонок.

Тут Хромов, заподозрив неладное, схватил жену под руку и вывел на мороз.

– Ты что такое сотворила? Ну-ка, рассказывай немедля! – раздражённо спросил он, затем встряхнул жену за плечо и резко повернул к себе. Шаль с неё слетела, из-под неё выпала длинная прядь волос.

– А то вон кудри твои на руку наматаю и... – купец грозно посмотрел на Агафью.

– Да что я такого сделала? – плаксиво ответила жена.

Женщина она была неплохая, но не в пример купцу прижимистая. Она тут же во всём призналась. Помня, что Семён Феофанович велел ей купить для старца самого лучшего и тонкого холста, купила похуже. «Зачем старцу хороший хост, он грубому ещё больше рад будет», – подумала она, зная о том, что старец и не ведаёт об этом указании мужа.

– Тьфу ты, – выругался купец, затем отпустил жену и вернулся в келью. Открыв дверь, он у порога рухнул на колени, начал отбивать земные поклоны старцу: – Прости, отче, её, не ведаёт баба глупая, что творит.

Старец отнял правую руку от груди и перекрестил Хромова. – Бог милостив, простит. Поднимись.

Купец поднялся и спросил:

– Так пойду я, отче?

– Ступай, панок, ступай. Только... нам с братом Иоанном поговорить надо, так ежели кто придёт, пусть у тебя погодит пока, – с поклоном попросил старец.

– Хорошо, отче, так и велю, – облегчённо вздохнул купец, тут же вышел и осторожно притворил за собой дверь. Оставшись наедине с монахом, старец опять подвинул ему миску с пирогами, но тот отказался. Тогда Феодор накрыл её полотенцем, убрал со стола:

– Сказывай. Монах откашлялся и в который уже раз принялся говорить:

– Месяца через два, как мы с тобой расстались в Саровской обители, добрался я до ***** монастыря. Пришёл я туда вечером, и встретили меня, как нигде радушно. Сразу после трапезы монахи истопили мне баньку, дали новое бельё и прочее облачение. Скуфья – вот до сих пор мне служит, – монах погладил свой изношенный головной убор, переложил его на стол. – Поздно вечером отец настоятель побеседовал со мной. Показалось мне, что он знал, для чего я к ним пришёл. Вопросов не задавал и в конце беседы сказал, что тот человек, который мне нужен, завтра утром сам меня найдёт, а потом отправил меня отдыхать.

Наутро после трапезы ко мне подошёл отец Дамиан. Выглядел он, как ты описал его, отче. Высокий, статный, выправка как у военного, иначе, служивый он раньше был. Кавалерист. Послушание он своё исполнял конюшенным. За то время, что я там прожил, видел его неоднократно верхом на лошади, и так ловко он скакал! Отец настоятель частенько отправлял его нарочным с бумагами и письмами в епархию. Увидев меня, отец Дамиан с лица спал, заволновался и потянул к себе на конюшню, чтобы мы могли в уединении потолковать. Присели мы в клетушке, где упряжь хранится, расспросил, откуда я пришёл да как добрался, но неинтересно это ему было. Слушал невнимательно, ждал, когда я самое главное обскажу. А как я достал тряпицу твою, отче, так и вовсе побледнел. Тряпицу он развернул при мне – рука дрогнула. Брошка возьми и выпади, – Иоанн боязливо перекрестился на иконы, и вновь обратился к старцу Феодору. – Прости меня, отче, видит Бог, не по любопытству узнал, что ты ему передал, а случайно. Красивая вещь, только жуткая. Хризолит⁶ в ней вдруг кровью налился и засверкал зловеще, да так, что я оробел. Голова льва такой жуткой показалась. Отец Дамиан поднял брошь, прослезился и сказал: «Зря он так сделал, все равно бесполезно, обратно вернётся, а через три, трижды хуже будет». Что эти слова значат, не пояснил, отче. Прожил я там полгода, да и пошёл обратно по тем же святым местам. Прости, отче, что так долго шёл и рассказываю тебе об этом только сейчас».

Монах умолк и внимательно посмотрел на старца. Тот был серьёзен, однако воспринял услышанное как должное.

– А ведь ты всё знал, отче, знал! – вдруг догадался Иоанн.

– Знал ли, не знал... тогда бы знать, глядишь, может, и не так бы всё сложилось, – тяжело вздохнул Феодор Козьмич, а потом с грустью добавил: – Поздно уже, теперь по иному пути всё идёт. Ошибку тогда я совершил, да что уж теперь–то...

Инок понял, что надо оставить старца одного, поднялся. – Пойду я, отче, отдохнуть надо, завтра даст Бог, наведаюсь.

Старец тут же запер за ним дверь и погасил свечу. В полумраке кельи, освещенной лишь тусклым светом лампы, опустился на колени и начал молиться. Молился он всегда, заперев дверь, так, чтобы никто не мог застать его врасплох.

Феодор Козьмич, посещая церкви, всегда старался оставаться незамеченным. Томский епископ преосвященный Парфений как-то предложил ему в Богородице – Алексеевском монастыре становится в его моленной комнате рядом с алтарём, но старец отказался от такой чести, а позже, после того, как люди стали обращать на него внимание, совсем перестал ходить в эту церковь. Феодор Козьмич молился не за себя теперешнего – просил прощения грехов человеку, который не умер, но прекратил свою прежнюю жизнь и стал потерей не только для родствен-

ников, а и для всей России. Старец уже и сам не знал, были ли у него детство и юность, был ли он, когда-то одним из самых могущественных людей мира, владея необъятным государством, или это была легенда, выдуманная о нём людьми. Но это было уже и неважно. Важна была вера Феодора Козьмича и его желание помочь тому несчастному человеку, что исчез поздней осенью одна тысяча восемьсот двадцать пятого года. Лишь после смерти на ногах старца были обнаружены толстые мозоли от долго стояния на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.